

ХАЙДАР

БЕЛЫЙ СВЕТ





ХАЙДАР

Белый свет

Москва
2010

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
Б54

Бедретдинов Х.С.

Б54 Белый свет. Стихотворения. – М.:
ИПО «У Никитских ворот», 2010. – 224 с.

ISBN 978-5-91366-120-3

«Белый свет», третья книга члена Союза писателей России, поэта Хайдара Бедретдинова, открывает читателю автора не только как патриота, глубоко привязанного к своей Родине, но и тонко чувствующего лирика, философа. Сочетание гражданской и лирической тем, переход от военных стихотворений-воспоминаний к размышлениям о судьбе народа, красоте простой русской жизни будут близки всем, кто любит свою страну и гордится ее историей.

Книга издана в авторской редакции

ISBN 978-5-91366-120-3

© Бедретдинов Х.С., 2010
© ИПО «У Никитских ворот», 2010

Непростая судьба поэта Хайдара Бедретдинова, как в зеркале, отразилась в его новой книге «Белый свет», эпицентром которой стала глубокая, пережитая умом и сердцем гражданская лирика поэта-патриота.

Она уходит далеко в историю. Об этом говорят и названия стихов, открывающих книгу «Полтавская битва», где прославляется подвиг русской армии: «В череде побед России славных Память этой битвы негасима: Битва Полтавская, битва Полтавская, Битва Полтавская – слава России!» А в стихотворении «Наказ» раскрывается великий подвиг русского народа под предводительством Александра Невского, в котором своеобразным рефреном звучат слова самого Невского: «Не сломить наш народ Никакой вражьей силе. Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!»

Во многих стихах прямо или косвенно военная тема постоянно волнует Хайдара Бедретдинова, к примеру, в стихотворениях «Война», «Мир», «Встреча ветеранов», «23 февраля», «Соратники», «Наша победа», «Победители и наследники» и многих других.

Поэт прошёл афганскую войну, видел смерть наших солдат, поэтому ни в одном стихотворении мы не чувствуем пафосной фальши. И только одно: искренность, великая боль и скорбь за погибших.

В своём программном стихотворении «За боевые заслуги» поэт вслед за классиком советской поэзии также приравнивает перо к штыку: «Были обстрелы. Дымился дувал. Мы и не ждали покоя. Может, и я в сердца попадал Изредка...меткой строкою».

В книге от стихотворения к стихотворению как бы перебрасывается мостик, связывающий Великую Отечественную с этой афганской войной, где простые советские парни верили в те идеалы, на которых были воспитаны их деды, отцы, да и они сами.

И страшнее всего то, что эти идеалы были разрушены псевдодемократами, обманувшими народ. Вот как в коротком, как выстрел, стихотворении «Базар» говорит об этом поэт-гражданин: «И город, и страна – сплошной базар, но горько, что теперь не стало стыдно И честь и память превращать в товар. Боюсь, и нас уж продали, как быдло. Большевикам был сам и чёрт не брат, А брат ли для народа демократ...»

Современная тематика у Хайдара Бедретдинова часто настроена на критический лад. Он не может смириться с тем, что претит его восприятию чистого, светлого в жизни. Думается, что название книги «Белый свет» многозначно и в полной мере отражает душевный и духовный настрой автора.

О чём бы ни писал Хайдар Бедретдинов – всё его творчество пронизано большой любовью к своей стране, к своему народу, которому он, как пророк, предсказывает светлое будущее, потому что верит в него всей душой поэта.

*Поэт,
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации В.Г. Бояринов*



БЕЛЫЙ СВЕТ

Я посмотрел на белый свет,
И в ласковой дали
Я сотый раз узнал, что нет
Милей родной земли.

Встречал тепло я и привет,
Радужные людей,
Я сотый раз узнал, что нет
Верней моих друзей.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

Есть в строю геройских русских дат
Памятные для народа битвы
Те, в которых маршал и солдат
Воинскою славою покрыты.

Гимнами встречали их заставы.
Вдовы безутешно голосили.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Битва Александра на Неве
С беспокойным крестonosным шведом.
Был победой первой наш ответ
В пику вероломному соседу.

Мы гордимся битвой той по-праву.
Набирала Русь святая силу.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!



Вновь пришли во времена Петра
Испытать российское оружие.
И непобедимое «УРА!»
На штыках отбросило их дружно.

Выросла Петровская держава –
Армий нет таких – её осилить.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Надвигались вновь и вновь враги:
Немцы и французы, и поляки.
Совершив позорные круги,
Где теперь вчерашние вояки?

В череде побед России славных
Память этой битвы негасима:
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

НАКАЗ

В гордом ратном блеске,
Солнцем – на груди
Александр Невский
С ордена глядит

На дела потомков –
Добрые дела,
И звучат негромко
Мудрые слова:

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!».



Пронеслась над нами
Страшная война.
Сбереги же, память,
Павших имена.

Сбереги с любовью
Скошенных в бою,
Отстоявших кровью
Родину свою.

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!».

Сквозь весны звучанье,
Сквозь напев грачей
Слышится бряцанье
Атомных мечей.

Всей душой мы в мире,
Но пока для нас
Остаётся в силе
Прадедов наказ:

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!»



ВОЙНА

Война ходила по сердцам,
Как горькое пророчество,
И оставляла пацанам
В наследство только отчество.

К мальчишкам приходил во сне,
Отец совсем не виденный,
Делились с ним наедине
Последними обидами.

Но жизнь вела отсчёт годов,
И одиночки-матери,
Чтоб сделать из сынов отцов,
До дна себя растратили.

Росли в бараках крепьши
И вкладывали гордые
В любое дело злость души,
Чтоб стать отцами добрыми

МИР

Оторвала крестьянина война
От дома, от земли, труда и веры,
Давно отгрохотала, но слышна
В судьбе потомков, в семьях офицеров.

Расправит ли над нами крылья Мир,
Над утомленной стрельбицами Русью?
Чтоб навсегда военный сняв мундир,
Крестьянский сын к земле опять вернулся.



ПОСЛЕВОЕННАЯ ЁЛКА

Ещё в очередях стояли разных,
И номера синели на руке...
Решил нам ЖЭК на Новогодний праздник
Устроить ёлку в Красном уголке.

В вельветках, в перешитых гимнастёрках
В украшенном подвале детвора
Кружилась изумленная у ёлки,
Вокруг на ней висящего шара.

Хоть дома ждал нас рыбий жир аптечный –
Единственный в то время витамин, –
Детей мы африканских так сердечно
Жалели и сочувствовали им.

Несытым нам прибавил праздник силы,
В сердцах зажёл цветные огоньки.
С собой мы веру в завтра уносили,
С подарками бумажные кульки.

СТАРЫЙ ДВОР

Что тянет так меня в мой старый двор?
Тот рай мой коммунальный – в пепелище.
Домов высотных каменный забор
Всё схоронил, но сердце что-то ищет.
С тем братством, с той барачной простотой
Что сделалось – никто уже не скажет.
Душевность, оказавшись сиротой,
Растоптана толпой многоэтажек.
Так почему ж порой в полубреду
Я в дворике оказываюсь снова?
Я здесь, наверно, встречи с детством жду,
Как ждали Воскресения Христова.



НА КЛАДБИЩЕ

Там, где всегда не шумно и не людно,
Где скорбь сама смыкает всем уста,
Где сон уже последний беспробудный,
Под праздник наступает суета.
Так хлопотно: мелькают вёдра, лейки,
А кисти машут весело, кажись,
И даже об ушедших сожалея,
Сегодня здесь, конечно, правит жизнь.
Листва дымится, собранная в кучи,
Свеж резкий запах крашенных оград,
И как души нетленной чьей-то лучик,
Анютины глаза на мир глядят.
Едва обжив уют пятиэтажек,
Полуподвалов мрак сырой кляня,
С огромным трудовым, бедовым стажем
Сюда переселилася родня.
И вместо новоселья вечность длится,
Перед которой суетность странна.
Так незнакомы молодые лица –
Знакомы так на плитах имена.

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Который раз Отечество – в опасности,
Хоть у границы не стоят враги.
Неверия, апатии, неясности
Расходятся по всей стране круги.
Границами, ресурсами и гордостью
Скукожена великая страна.
Без гимна пребывала, как без голоса,
Как в смутные иные времена.
Не потерявших честь, страну не грабящих,
Дающих свой посильный честный труд
И строящих упорно день наш завтрашний
Защитником Отечества зовут!



ПЯТАЧОК В ИЗМАЙЛОВО

Что за наважденье –
С неба что ли пенье?
Чистые девичьи голоса.
Подойдя поближе,
С удивленьем вижу:
То поют старушки – чудеса!

Сам себе смекаю:
Видимо, снимают
В парке про ушедший век кино.
Ах! Какие тексты
Песен были в детстве –
Как же я не слышал их давно!

Но – куда всё проще:
Вечерами в роще
Вместе собираются они
Те, кто нас спасали,
Те, кого списали
Вместе с биографией страны.

На экранах – страхи,
Банки, олигархи,
Улицы разбитых фонарей...
Новые герои
Память нам заруют,
Чтоб забыть о предках поскорей.

Бывшим комсомолкам
На заводах, стройках
Вышло с лихвой всего в судьбе.
Душами богаты
Старые девчата
Дарят юность песнями себе.



23 ФЕВРАЛЯ

Престольный Праздник Армии Союза
Отметит ли растленная страна?
Чтоб ратник стал Отечеству обузой...
Припомнить ли такие времена!
Когда солдат бездомен и унижен,
Кому, как не противникам, с руки.
Под лай парламентариев бесстыжих
В цветочницы идут призывники.
Посеявший великий дух растленья,
Однажды покарается огнем:
Мы вырастим такое поколение,
Которое не защитит свой дом.
Не меркнет слава русского солдата,
Чьим подвигом не раз мы спасены,
Пусть будет память о деяньях свята
Всех поколений Армии страны!

СОРАТНИКИ

Со всей страной идём сквозь горести,
Но мы сумели уберечь
И щит незамутнённой совести,
И чести неподкупной меч.

Звереет чёрная армада,
На нас бросая клевету.
Мы – как последние атланты
У Атлантиды на посту.

И чем богат, на праздник даришь
Внимание, пожатые рук.
И слово доброе ТОВАРИЩ –
Для нас совсем не праздный звук!



ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

А этого помнишь?–

– Ну, как же, ну как же!

А этого тоже? –

... простились вчера...

У каждого – внуки и правнуки даже,

Наверное, всем на покой нам пора.

У каждого – сотни историй в запасе:

Про войны и будни,

Геройство и труд.

О подвигах жизни – простой и прекрасной –

На всех перекрёстках они не поют.

Мелькают в рассказах названья и страны.

И, кажется, нет прокатившихся лет:

Сошлись, как старейшин союз, ветераны

И держат по трудной проблеме совет.

Что было – то было.

Что случилось – то случилось.

Конечно, обидно: цена нынче – грош

Делам и заслугам, что в прошлом остались.

Но как нам сберечь для страны молодёжь?!

Как нам воспитать патриотов отважных –

Одна у нас общая Родина-мать,

Чтоб вновь потянулись к профессиям важным,

Которые учат свой дом защищать.

Мы «бывшими» в жизни Отчизны не будем.

Ещё поживём, повоюем, Бог даст!

Друг другу свои телефоны диктуем,

А также ... рецепты полезных лекарств.



ПЛАНЕТА КОМСОМОЛ

Когда так сильно ранена Отчизна,
Когда быть патриотом не престижно,
Когда в умах безверия пожар,
Находится в рядах прямой и дерзкий –
Упавшее подхватывает древко
И поднимает знамя комиссар.

И не для демонстраций, не для славы,
А оставаясь лидером по праву,
Когда иные спрятались в комфорт,
Характер свой настойчивый сибирский,
Не разменяв на доллары и виски,
Как прежде, комиссар идёт вперёд.

В нём дух горячей юности не стынет.
Традиции и прежние святыни
Над нами развевает, словно флаг.
Как щит и меч – залог чекистской чести –
Он призывает всех держаться вместе,
Как пальцы собирая нас в кулак.

Когда уже страны на карте нету,
И разбрелись атланты все по свету,
Он силы в себе новые нашёл:
Наш комиссар нам юность возвращает
И сердцем своим искренним вращает
Планету под названьем Комсомол!

СОМНЕНИЕ

Где нет сомненья – истина непрочна.
Где нет борьбы – победа несладка.
И ценят те частенько непорочность,
Которые в душе не без греха.



НАША ПОБЕДА

Прославили барды,
Воспели поэты,
Несут имена их века –
Воителей прошлого блеск и победы,
Романтику пуль и штыка.

Суворов, и Цезарь, и Македонский,
Помпей, Ганнибал, Бонапарт –
По странам чужим провели они войско,
Как завоеваний парад.

Но нету в истории выше Победы,
Где был победитель Народ,
За мир на Земле став по праву в ответе,
Добра и отваги оплот.

Страна и свобода даны нам в наследство
С высокой и горькой ценой.
Равнение – на знамя! На знамя Победы!
И нет высоты нам иной!

ОЩУЩЕНИЕ

Сладкое детство, сколько чудес
Нам оживить хотелось бы:
Реи молочные, сказочный лес
И берега кисельные.

Минули годы с несытым житьём –
В завтра глядим без опаски.
Вдоволь теперь молока с киселём –
Нет ощущения сказки.



ПОБЕДИТЕЛИ И НАСЛЕДНИКИ

Опять справляем светлый день Победы!
И песни задушевные звучат.
Не братья, не отцы, а только деды
В шеренге, поредевшей так, стоят.

Мы чтим всем сердцем тяжкий труд Ваш бранный –
Последним в жизни стать мог каждый бой.
Победы дети – сами ветераны
Локальных неизвестных миру войн.

Победу подарили нам в наследство,
Свободную державу и покой.
Но государства нет того на месте,
Страны победной больше нет такой.

Пытается фашист новорождённый
Войны итоги перевернуть везде.
На Западе жирует побеждённый,
А Победитель наш живёт в нужде.

И что-то власть, примазываясь, ищет
В Победе той – своих-то нет побед –
Помпезно тратит крупные денжищи:
Их ветеранам бы — на много лет.

На обществе не заживают раны,
Когда не воздают, а подают.
Ещё есть в коммуналках ветераны,
И во дворцах жирует новый люд.

Ваш подвиг никогда не канет в Лету,
И нам он в жизни выстоять помог.
Седые мы, наследники Победы,
Лишь памятью отдать Вам можем долг.



ГОД БОЛГАРИИ В РОССИИ

Не ради славы и регалий
Не раз спасли вас от врагов.
Ах, где же вы теперь, другари?
Не видно ваших берегов.

Европа держит вас, как мушку,
Беря Россию на прицел.
Куда путь держите, братушки?
В войне никто не будет цел.

Потомкам Пушкина и Вазова
«Пророк славянский» дал ответ,
Что все мы – братья Карамазовы,
Согласья между нами нет.

Над нами в этот век жестокий
Пролился охлажденья дождь.
Большой Истории уроки
Не помнит нынче молодёжь.

А в перестроечном угаре
Союз разрушив поскорей,
Российские демкомиссары
Немало кинули друзей.

И, видя новые распятыя,
Не помышляя предавать,
Иные бросились в объятья
Чужие, чтобы выживать.

Едины общими корнями.
Должны друг другу помогать,
Чтоб старый возглас: «Гей, славяне!» –
Над нами прозвучал опять!



РОМАНС

О, Женщина, в тебе – такая власть!
Но ты сама её не знаешь меры:
Ты можешь дать подняться и упасть,
И обрести и вновь утратить веру.

Ты истинна в поступках иль словах,
В ничтожных буднях иль в мгновенья славы?
«Ты – Женщина, и этим ты права»
И правишь мирозданием по праву.
Уму научишь и сведёшь с ума.
И в нежности и в гневе так прекрасна!
И с горечью осознаёшь сама:
Весь мир – у ног, но власть твоя напрасна...

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Народ наш – почитатель постоянный,
Он в это имя чудное влюблён:
Особо отмечает День Татьянин,
Как будто в мире нет иных имён.

Студенты, распевая песни рьяно,
В традициях, что свято мы храним,
Считают безусловно День Татьянин
Наипервейшим праздником своим.

И гений наш, подслушав дух народный,
На День Татьянин закрутил сюжет
В своем произведеньи – не нарочно ль?–
Чтоб мучился Онегин двести лет.

Живет в нас этот идеал прекрасный,
Как не забытый с детских лет родник.
И любим то в своих любимых разных,
Что их с Татьяной пушкинской роднит!



У РОДДОМА

Мне стыдно за важность зелёных мужей
И стыдно среди них за себя,
За тех, кто, на первом сойдясь этаже,
Гордыню свою теребят.

Стоят, сигаретами смачно смоля,
Успехом хвалясь «на заказ».
Об этом они не трепались бы зря,
Когда бы родили хоть раз.

Родитель лишь тот, кто ребенка родит,
Всю боль испытывавшая мать,
И звание то же отцу предстоит
Всей жизнью своей доказать.

А жёны с улыбкой подходят к окну,
Считая до выписки дни,
Прощают мужьям милосердно вину,
Которой не знают они.

СЫН

Ладный сын растёт и крепкий,
И красив он, и пригож,
И на всех, пожалуй, предков
Понемножечку похож:
Папин нос, улыбка мамы,
Волосами – чистый дед.
Каждый день мы открываем
Несколько родных примет.
Наши глазки, губы, мочки
Я с любовью узнаю...
Только голову, сыночек,
Ты имей всегда свою.



РАДОСТЬ

Ни секунды нет покоя,
Заведёнными живём:
Полоскает, варит, моет
Круглосуточно наш дом.
По ночам как Ваньки-встаньки,
Поднимаемся на зов,
Смотрим зубки беспрестанно:
Не прорезались ли вновь?
Проглотив поспешно завтрак,
Вылетаем из дверей.
И с работы, запыхавшись,
Возвращаемся скорей.
Был пустым наш день вчерашний
Без таких забот в семье...
Что нас радовало раньше?
Чем мы жили на земле?

УСТАЛОСТЬ

Как светла твоя усталость
В тусклом отблеске луны...
Ты опять до света встала,
Отмахнув мгновенно сны.

Не пойму, какая сила
Не дает тебе упасть!
Столько в день свой ты вместила
Дел, что их не сосчитать!

Режут лоб бессонниц складки,
Не узнать красивых рук,
...Улыбнётся сын в кровати
Оправданьем этих мук.



ПЕСНЯ О САЛТЫКОВКЕ

Падает снег в Салтыковке –
Снова бушует зима.
Делаем мы остановку
Здесь, позабыв про дела.
По посветлевшему лесу
Заворожённно идём.
Дарят снежинки нам песню
Всю в кружевах о своём.

Не схоронясь от погони,
Беглая речка – во льду.
Слипшийся с удочкой сонной
Мёрзнет рыбак на пруду.
Но несмотря на морозы,
И не умолк, и не сник
Между корнями берёзы
Чистый целебный родник.

Как же прекрасно по лесу,
Будней прервав бурный бег,
С сыном впасть в милое детство,
Падая с хохотом в снег!
Радость вкусить, как сосульку,
В эту входя красоту,
Сбросить короткой прогулкой
С нервов своих суету.

Падает снег в Салтыковке –
Снова бушует зима.
Как на открытке заморской,
Окна горят в теремах.
Три остановки привычных
Быстро мелькнут за окном:
Нас привези, электричка,
Снова сюда с ветерком!



ПОДРУГА

У меня подруга –
Серые глаза,
Ласковые руки,
Вьются волоса.

Вместе мы гуляем.
Интересней нет –
Я-то точно знаю –
Наших с ней бесед.

Чувства свои, мысли
Мастерским мазком
Закрепляет кистью,
Я – своим стихом.

Знаний её кладезь –
Космос, целый мир.
С ней общенье – радость
И для сердца пир.

Фантазёры оба –
Любим помечтать.
На обоих скромная
Гения печать.

Родственные души
Поселились в нас.
Слушал бы и слушал
Я её рассказ.

Многому научит,
Дельный даст совет.
Ведь подруга – внучка,
Ей уже пять лет!



ВНУК

Вдали от наших зим и вьюг
Родился внук, родился внук.
Нам расстоянья не унять,
А так хотелось бы обнять,
Погладить нежно, рассмотреть,
Черты родни всей разглядеть.
Расти, малыш, расти большой
Да с нашей доброю душой.
В семье ты нашей — пионер.
И мама с папой в том пример:
Расстались с Родиной своей
Для лучшей участи твоей.
Да будут святы их труды,
Чтоб достигал ты высоты.
И там, на дальней стороне,
Ты честью верен будь родне!

СВИДАНИЕ В БОЛЬНИЦЕ

Пришла, примчалась, зову сердца
Отдавшись, как младым страстям,
И принесла кусочек детства,
К душевным приложив вестям.
Такой нечаянный подарок
Необязательный... но в цвет,
Как будто слившись полушарья
Опять возобновили свет.
Прощаясь грустно, вдоль забора
По разным сторонам идём
И продолженье разговора
Уже наедине ведём.
Прости за всё, моя отрада!
И радость брызнет пусть из глаз,
Что не могильная ограда
Нас разделяет в этот раз...



СМЯТЕНЬЕ

Всё суета сует..., но наконец
Пришли мы снова в шумный наш дворец.
Но в залах так знакомого дворца –
Ни одного знакомого лица.

В смятении я: ах, сколько ж бурь и лет
Прошло, что стёрся окруженья след?
Ведь в этих залах юности моей
Так много было лиц моих друзей.

Что случилось с ними?
Что оборвалось?
Какой нас разделил анабиоз?
Ещё вчера здесь бились их сердца –
Ни одного знакомого лица.

Хоть седина заметна в зеркалах,
Ещё походка не вселяет страх.
Нет ощущенья близкого конца –
Ни одного знакомого лица.

Как будто время потерпело крах,
И мы теперь совсем в других мирах,
С судьбой смирились горькою слепца –
Ни одного знакомого лица.

Открытие это – как по сердцу плеть.
Я б мог поверить в собственную смерть,
Но с Жизнью обручальное кольцо –
Моей любимой сердце и лицо!



ПОДРУГИ

Есть женщины в нынешней жизни
С особым стремленьем вперёд:
Такая не то что бы в избу –
В горящий реактор войдёт.

Летит, отработав трёхсменку:
На службе, с детьми, у плиты.
Она ещё как-то умеет
Себя в этой жизни найти.

С таким-то нагруженным возом,
С обилием дел и оков
Её статистический возраст
Повыше, чем у мужиков.
Прекрасные наши подруги
Тепло нам несут и уют,
Хоть «*За бытовые заслуги*»
Медали для них не куют!

ВОЛШЕБНИЦЫ

Вы терпите все прелести супружества,
Где год за три дают, как на войне.
Но вот, опять от вас потребно мужество –
Как вор, гуляет кризис по стране.

Он ценники украл, что были прежде,
Нули добавил подлою рукой.
Но главное — опять украл надежду
На мир в душе, стабильность и покой.

Но март вступает в силу: солнце брызнет,
А там — глядишь — и почечный Апрель.
И вам опять о новой, лучшей жизни
Соврёт неутомная капель!



СКАЗ О ТУЛЬСКОМ САМОВАРЕ

Дышит кузница – калёное жерло,
На округу высыпая весело
Звон булата, пламя, искры, жаркий пар...
Здесь когда-то сочинили самовар.

Обнаженные до пояса, в поту
Мастера черны, как грешники в аду.
От огня у них прищурены глаза.
И прихвачены бечёвкой волоса.

Поколения сменялись у печей.
Много было тут отковано мечей.
Тем оружием перебита тьма врагов –
В дни победы чтут и скромных мастеров.

В наковальном звоне – будущего песнь:
Плут, подкова и коса рождались здесь.
Мыслей смелость, а затем упорный труд
Людям пользу, славу мастеру дают.

На рождение его ушли года.
Много сметки было вложено, труда.
Полюбили на Руси и мал, и стар
Чудодейный медный тульский самовар.

Покорил затем заморскую он даль.
Каждый царь цеплял на грудь ему медаль.
Он пузатым и таким важнецким стал,
Словно самый настоящий генерал.

Вот – стоит он меднолоб и крутобок,
С толстой шеей да, пожалуй, кривоног.
Закипает, будто в пляс сейчас пойдет,
Зазывая чашки в звонкий хоровод.

Пофырчит, потом присвистнет, пустит пар –
Ну, ей-богу, раззадоренный гусар.
Самовара дружелюбное тепло
Будит в сердце доброту, смягчает зло.

Гордо выставив вперед свой краник-нос,
Наш туляк встает на жостовский поднос
И, воркуя изнутри, лосня свой бок,
Льет крутой и ароматный кипяток.

Тяжким потом и смекалкой удалось
Сочинить затем и первый паровоз.
И ракете, что готовится на старт,
Самовар – известно – тоже старший брат.

Этой строчкой немудреной дань воздам
Всем известным и неизвестным мастерам,
Тем, кто терем променяв на уют,
День наш завтрашний без устали куют.

ПАМЯТЬ

На свою мне память
Жаловаться грех:
Она тверда, как камень,
Крепка, как орех.
Ни силой и ни чудом
Не вскрыть её врагу:
Частенько сам дотуда
Добраться не могу.



ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

По Зарядью, по Зарядью
Скоморошный люд идёт.
В колпаке атласном дядька
Скачет, пляшет и поёт:

«Как в корзинке Якова
Есть товару всякого», –
Из кошёлки достаёт
Прямо... целый огород.

Позвенит бубенчиком –
Соберёт копеечки,
С мишкой поборется –
Весь народ уморится.

Пятерню пристроит важным гребешком.
Шею вытянув, пройдётся петушком,
Он поквохчет, резво вскочит на крыльцо,
На протянутой ладони – вдруг яйцо.

Колесом идет, сложившись, как калач, –
Восхищаются мальчата: «Во, ловкач!»
И, усевшись, как на троне, на бревне,
Так же царственно воскликнет: «Чарку мне!»

Выпьет бражки-медовухи черпачок
И по кругу понесётся, как волчок.
Пляшет бешено – по швам трещат портки,
И дробушку выбивают каблуки.

А подручный на свирельке свирестит
И в сопелочку, приставив нос, свистит,
Наливаясь спелой свеклой изнутри,
Надувает щеки, словно пузыри.



Знать, «нечистая» – помощница в делах,
Коль у них вдруг оживает и метла.
На шапчонке пляшут звонко бубенцы,
Всласть хохочут и миряне, и купцы,

А народ умеет страсти разжигать,
Бросишь искорку – огня не удержать:
Городской, селянин, поп да всякий сброд,
Сбросив шапки, затянулись в хоровод.

Кушаки уж распоясаны давно,
Топчут площадь, как по осени гумно,
Входят в пляс, рванув рубаху, чтоб в бреду
Хоть на час забыть про лихо да беду.

Ты, жалейка залихватская, играй,
Ты играй, родная, да не уставай,
И, покуда с хрипотцою ты поёшь,
Этот мир на сказку дедову похож.

Наплясались всласть, аж в коликах живот.
По лицу течёт веселья сладкий пот.
Ух, намаялись, натешились до слёз,
А теперь копейку в шапку брось.

Скоморошья доля вовсе нелегка...
Уходили с площадей они в века
Мимо сруба, мимо царского дворца
Под проклятия святого чернеца.

Скоморохами их нынче не зовут,
Не телеги – самолёты их везут.
Величает их народными народ,
Ремесло их с новой силою цветёт!



РОДНИК

Говорят: в лесу дремучем,
У горы, под самой кручей,
За поляною глухой
Бьёт издревле ключ гремучий,
Ключ с целебною водой.

Преподобный Отче Сергей
В том далёком древнем веке
С божьей помощью открыл
Это чудо человеку
Для возврата прежних сил.

И с молитвою в дорогу
Издалёка люд убогий,
Всякий хворый и больной
Сквозь века, леса и горы
С легкой торбой, тяжким горем –
За водицею святой.

И несёт молва по свету,
Что целебней места нету,
Чем чудесный тот родник.
Вот и мне бы к водам этим –
Я бы сердцем к ним приник.

Но порою вдруг нежданно,
Как бальзам на наши раны,
Где-то рядом – не в глуши
Кто-то щедро открывает
Золотой родник души!



ВОСЬМОЕ ЧУДО

Семь чудес известно людям,
Знаменитых семь чудес.
Но еще восьмое чудо,
Несомненно, в мире есть.

Это, может быть, простая,
Может, с вычуром, резная,
С неперменной теснотой,
Раскаленная, взрывная
Баня русская с парной.

Чем-то с кузницею схожа:
Словно горн, пылает печь...
Здесь любой, наверно, сможет
Сразу тонну сбросить с плеч.

Для начала – все в парилку,
На полок, как на алтарь.
Вот озноб прошел по спинам,
За ознобом – сладкий жар.

Рвутся залпами поддачи,
По ступенькам стон прошёл,
Как свистящий хлыст, горячий
Жар бросает всех на пол.

Встали, ну теперь за дело,
Вот теперь парок как раз,
Ах, какая перестрелка,
Перепевка, перепляс!

Смех, подколки, прибаутки –
Расписная, в общем, речь,
Будто дедовские шутки
Тайно выдохнула печь.



Рубятся, без крови сеча,
Парни дышат горячо.
Шутники, сгибая плечи,
Прохрипят: «Поддай ещё!»

Вылетают, как чумные,
Опаленные парной,
Без стаканчика хмельные,
Шелковые, как руно.

В простынях, как в тогах, гордо
Восседают на скамьях.
Тут горят такие споры –
Что там твой ареопаг!

На душе покой и лёгкость,
И движения легки.
Может, вправду банным богом
Отпускаются грехи?

И поскольку вдруг такая
Благодать сошла на всех,
Раздобревши, отпускаешь
И чужой учтённый грех.

Семь чудес – чужие песни –
Всяк ли знает? Расспроси.
А вот баня – та известна
За пределами Руси.

СОВЕТ

Жену с любовницей не спутай.
Заначку вдруг не объяви,
Но, в мелочах являя мудрость,
Чужую жизнь не проживи.



ГАЛЕРЕЯ ШИЛОВА

Идём по галерее Шилова,
Неся, как груз, свой непокой
Вослед за золотою жилою,
Открытой Мастера рукой.

Но постепенно состоянье
Внутри меняется от чар.
Музей – эпохи достоянье,
Художника бесценный дар.

Сияют золотые рамы,
Звучанье арфы в тишине, –
Приходит ощущение Храма
И причащения ко мне.

Здесь целый мир в картинах создан,
И он уж сам собой живёт:
На миг застыли в разных позах
Друзья, отвлекшись от забот.

В полотнах – для потомков вести:
В палитре, в глубине мазков.
Художник пишет труд, как Нестор,
Свой день – для будущих веков.

С портретом вряд ли что сравнится
По силе чувства и ума.
И, оживая в разных лицах,
Глядит История сама.

Парадность с лирикой в соседстве,
И верность классике письма –
В работах дивных без эстетства
Царит эстетика сама.



Не повторяясь, подкупают
И простота, и хитреца,
Но в каждом лице проступают
Глаза души и труд Творца.

Вот – бабка с горечью обиды:
«Не пишут», – это ль не беда?
Вот – «Ветеран», людьми забытый,
Отдавший подвигу года.

Актёры, мудрецы, поэты,
Духовных лиц глубокий взгляд,
Пейзажей широта – всё это
Запечатлённый жизни ряд.

То тихой добротой, то грозами
До сердца достают глаза.
Бывает так: иные образы
Волнуют дух, как образа.

Гляжу на них и в чём-то каюсь,
Обременённый суетой.
И, будто, грех мне отпускает
С картин невидимый святой.

Смеются лица здесь и плачут,
Живут под тяжестью креста.
И льётся музыка «Скрипачки»,
Звуча палитрою, с холста.

Глядишь – и сам вот-вот заплачу:
Таков он очищенья миг!
И ухожу я, став богаче,
Приобретя здесь целый мир.



КАРТИНА КУСТОДИЕВА

С Яузских горок Солянки,
Как на картине, жива
Мчалась зимою на санках
Юная наша Москва.

На Рождество и Крещение
Съшал на волю народ.
Масленица всех угощением
Щедрым вела в хоровод.

В день же особый Татьянин –
Игры и смех до утра.
Где ты, бывшая Солянка?
Где золотая пора?

Островом духа былого
Уж не Татьянин ли дом?
С чувством тепла озорного
Мы в этом доме живём.

Нет тех девчонок с лукошком –
Век XXI увы!
Но вот мелькнёт вдруг в окошке
Молодость нашей Москвы.

ЧУДО

Говорят чудес не стало
В наш учёный трезвый век.
Необычного так мало
Видит нынче человек.
Но вчера, презрев законы,
Жизнь преподнесла урок:
Чудо – долг отдал знакомый
Полностью и точно в срок.



КАРТИНА РЕМБРАНДТА

На излёте растраченных сил,
Жизнью выстрадав эту картину,
Он у предков прощенья просил
«Возвращением блудного сына».

Испытавший немало, слепой,
Сердцем всех окружающих зорче,
Прижимается к сыну душой
Со смиреньем прощающий Отче.

Не свожу с сына блудного взгляд –
Не сыграешь с собою ведь в прятки –
Стыдно мне: не мои ли горят
На холсте непутёвые пятки?

В степь умчался за ветром джигит.
Стонет песня седого акына.
Мать слепая очаг сторожит,
Ожидая заблудшего сына.

Князя Игоря горький поход,
Про искателей счастья былины –
В них сюжет этот вечный живёт:
Возвращение блудного сына.

Жизнь водой испытала, огнём,
Медью труб, а в награду – седины.
И теперь уже сами мы ждём
У порога любимого сына.

Дал нам душу и веру, и плоть,
Только мы промотали святыни.
Ждёт опять терпеливо Господь
Возвращения блудного сына...



ПТИЧИЙ РЫНОК

Среди всевозможных причуд, аномалий столичных
Едва ли не самое редкое – рынок наш Птичий.
Автобус, троллейбус, маршрутка, кренясь непривычно,
Подвозят без устали жаждущих массы на Птичий.

У рынка в поту постовой заводной спозаранку
Машины едва успевают кидать по стоянкам.
Битком подъезжает к платформе сюда электричка:
– Куда вы, ребята?
– На рынок, конечно, на Птичий!

Трамвай еле-еле, толпу раздвигая, со звоном
Идёт мимо рынка и смотрит сам заворожённо
На банки, коробочки, клетки, тележки, корзинки,
Которые в чьих-то руках устремляются к рынку.

Неся ожидание хрупкое, как с мёдом крынку,
Ты в общем заряде толпы электрической – к рынку.
Ворота малы, словно клювик распахнутый птичий,
Толпу, как червя, извивая, впускают на Птичий.

Потоки людей и торговых рядов лабиринты
Двенадцатиперстным маршрутом ведут нас по рынку.
В подводное царство попал без билета и визы,
Аквариум каждый смотреть можно, как телевизор.

Хваля витаминность червей, коих просто навалом,
Как будто из глуби веков голоса зазывалы.
Глядит попугай на людей и молчит очень гордо.
Щенята скулят, из-за пазухи высунув морды.

И слёзы в ответ им мальчишка зарёванный мажет,
И, взятый врасплох, лезет папа в заветный бумажник.
Каких голубей только нет: и монах, и сизарка.
Могли б позавидовать видам иным зоопарки.

Поют канарейки, рассыпавшись бисером мелким.

И крутят колеса привычно и каторжно белки.
Историй охотничьих сотню узнаешь здесь сразу,
Мюнхаузен бы лопнул, услышав иные рассказы.

При хаосе внешнем - законы блюдет свои Птичий.
И чувствует чутко поступок иной неэтичный.
Что тянет сюда тех, кто стерпит и холод и давку?
– Не ради ж того, чтобы сделать высокую ставку!
Здесь праздничный шум,
Как на ярмарках прошлого века –
Их так не хватает, наверно, теперь человеку!

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

Нас уносит ветер перемен
В новые края и состоянья.
Будет ли удача нам взамен?
Главное – чтоб не было стоянья.

С детства будоражат нас умы
Подвиги Синдбада, Магеллана!
А на что способны в жизни мы:
Со штормами справится ль команда?

Засветил созвездья Новый год:
Капитанам – точные приметы.
В новое, влекомое – вперед!
Курс – на цель, а нос держать по ветру.



ПУСТЫНЯ

От нападения застыл я.
Твержу себе: «Будь молодцом!»
Бросает жар в меня пустыня,
Как клевету в лицо.

От ветра злого, пыли мутной
Пытаюсь спрятать свой испуг.
И откровенно – неудобно,
Но рядом – друг.

Но надо, надо побеждать.
Огнём – со лба испарина.
Пустыня, нет, не запугать
Российского татарина!

АФГАНИСТАН

Сюда привёл нас пролетарский долг,
Долг сердца и души – раз другу трудно,
Мы покидаем праздничный свой дом,
Чтоб окунуться в боевые будни.
Афганистан – ближайший наш сосед –
Мы делим твои трудности по-братски.
Моя страна хлебнула много бед –
Нелёгкок долгий путь её солдатский.
Гренада помнит молодых ребят –
Отцы там наши воевали вместе.
Мы продолжаем песнь интербригад,
Свободы мира продолжаем песню.
Настанет срок – вернёмся мы домой,
Чтоб на своих любимых наглядеться,
Но каждый унесёт в душе с собой
Частичку его раненного сердца.



ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Над Кабулом – флот воздушный:
За лоскутиком лоскут,
Детворы афганской души
Полям маковым цветут.

В небеса взмывает косо
Змей воздушный – волшебство.
Он меня с собой уносит
В небо детства моего.

В небо выжившей надежды,
Голубятен, сорванцов,
Утопающих в одеждах
Старших братьев и отцов.

Змей, как счастья кораблик,
В волнах памяти моей,
Он на смену дирижаблей
Занял небо мирных дней.

Ниткой палец мой до боли
Дёргал, нервно трепеца,
Он тащил ребят на волю
Из бараков и общаг.

Мы окрепли, вышли в люди.
Встала на ноги страна.
Лишь в салютах – гром орудий,
На экране лишь – война.

Змей воздушный над Кабулом
Запускает детвора –
Неприменно значит будет
Здесь счастливая пора!



МАШИНА ВРЕМЕНИ

Какой машиной времени,
За грех какой назло
Меня в эпоху древнюю
Внезапно занесло?

Здесь полусонно царствует
Четырнадцатый век:
От человека кастами
Отрезан человек.

Дуканщики – в почёте,
Дежкане –тягло, скот.
С тех и других налётчик
Дань с лёгкостью берёт.

На стенах – сабли, ружья
Всегда готовы в бой.
Считаются заслугой
Нажива и разбой.

Подсчитывают прямо
Потери у врагов
Ушами и ноздрями,
А у себя стволами
Погибших земляков.

Оборванные дети
Босые и в мороз.
Нигде на белом свете
Нет столько женских слёз.

Верни, машина времени,
К родимому огню.
Свою отчизну бережно
По праву оценю!



ОБЕРЕГА

В избе с матицей дубовой –
Пращуров опека –
Охраняла мир любовно
Птица Оберега.

Сберегала свет в светёлке,
Чудо богомаза,
Ямщика в степи от волка
И детей от сглаза.

На войне, на неизвестной,
Там, где крови реки,
Ты рождала мои песни,
Птица Оберега.

Утоляла мою жажду.
Сердцем карауля,
Ты спасала не однажды
От душманской пули.

Очага тепло хранила
Над больным ребёнком.
Посылала в письмах силу
Из родной сторонки.

Моя сила, моя вера,
И любовь, и нега!
За разлукой – милый берег –
Птица Оберега.



ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ

День торжества, а на сердце – печаль,
Будто проснулись недуги,
Хоть и вручили сегодня медаль
«За боевые заслуги».

Вспомнился и раскалённый металл,
Злая песчаная вьюга.
За пережитое время медаль
«За боевые заслуги».

Были обстрелы. Дымился дувал.
Мы и не ждали покоя.
Может, и я в сердца попадал
Изредка... меткой строкою.

Дней этих тягостных труд и печаль
Честно делили мы с другом.
С ним бы по праву делить и медаль
«За боевые заслуги».

Ну, а любимая! Сколько же сил
Нужно ей было в разлуке!
Вот кто геройски медаль заслужил
«За боевые заслуги»!

РОДИНА

Всегда казался маленьким мой дом –
Теперь он стал огромным вдруг казаться
Наверно, потому, что уместились в нём
Вся Родина и мирных дней богатство.



АФГАНСКАЯ БОЛЬ

А было все: и фронтовое братство,
И слезы жён, и письма от детей,
И похоронок стук в окошки адский,
Любовь впервые – к Родине своей.
И гордость за военные награды,
Уверенность, что, исполняя долг,
Ты воевал за Истину и Правду
И сделал без оглядки всё, что мог.
Меня героем мнившему сынишке
Как объяснить, что не моя вина:
Когда погибли по приказу тыщи,
Неправедной объявлена война...

ЗАРЯД

Как очередь неровная,
Рождается строка.
Она ещё бескровная
И слабая пока.

Ещё ей надо сердца
И капельку ума,
Щепотку соли, перца,
Стреляла чтоб сама.

Но выстрелами строчек
Не рассыпают смерть:
Хочу я ими очень
Сердца друзей согреть.

Стрелок я и наводчик,
Во мне зарядом – страсть:
Хочу я меткой строчкой
В сердца врагов попасть.



20 ЛЕТ ВЫВОДА ВОЙСК

День ухода из Афганистана,
Вроде как, отметила страна
На полупризнаньи даты странной...
Двадцать лет, как кончилась война.

Помню я: был молодым солдатом,
Отмечала юбилей страна
На подъёме – год шестьдесят пятый –
Двадцать лет, как кончилась Война!

В этот срок так много уместилось:
Мирный атом, космос, целина...
Набрала держава вес и силу –
Двадцать лет, как кончилась Война.

И в почёте были ветераны,
На слуху – героев имена.
В кинофильмах, книгах – труд их ратный:
Двадцать лет, как кончилась Война.

Ветеранам брошенным Афгана
Выпала совсем другая страсть:
«Мы вас на войну не посылали», –
Объявила новая демвласть.

Трижды нас обобрала до нитки –
Нет, не для народа эта власть! –
С фомкою законов новых клика
Научилась только ловко красть.

И звучат заигрыванья речи,
Что, мол, долг исполнили сполна...
Ваша ложь нам раны не залечит.
Двадцать лет.. Не кончилась война.



ГЕРОИ «АЛЬФЫ»

Погибли парни легендарной «Альфы» –
Об этом не услышала страна.
Их вдовы безутешные оплачут.
И плиты их запомнят на имена.

Наверное, давно живём мы в «зоне»,
Когда в верхах – понятия и бедлам:
О смерти главаря воров в законе
По всем каналам возвестили нам.

Блатная пресса, грязный телеящик
Бандита описали славный путь.
Вот кто герой для юных настоящих.
А в будущем какая ждёт их жуть?

По радио – про автомат игральный,
Про звёзд эстрады сплетен разных сто.
Вчера погибли три героя «Альфы» –
Об этом не узнал в стране никто.



ВЕЧЕР ПЕСЕН

Каждый без зелья немножечко пьян –
Нынче мы песни поём под баян,
Русские песни, советские,
В прошлом такие известные!

Песни «Смуглянка», «Ромашки», «Мороз»...
Ну и слова! Прошибают до слёз.
«Поедем, красotka, кататься»,
«Гроздьа душистой акации».

Вяжутся песни одна за другой –
Господи, пласт-то богатый какой!
Только в последние годы
Вывели песни из моды.

Вместо душевных и искренних слов
Слышим мы западный бешеный рёв.
Строй и культуру порушив,
Метят поганые в душу.

Как же богат был наш внутренний мир!
Пошлостью нынче заполнен эфир,
Чтоб от корней нас отрезать –
Занавес вот уж железный.

Предков заслуги не ставя ни в грош,
Песен не знает былых молодёжь.
Как покорённое знамя,
Песни уйдут вместе с нами.

Светел душой, переборами чист
В юность с собой нас ведёт баянист,
Труд его добрый и честный
Славят живые пусть песни!



ГИТАРА

От горячих мавров
Сотни лет назад
Перешла кифара
На испанский лад.

Плакали канцоны,
Вальс кружился юн
Под её знакомые
Переборы струн.

Сквозь века и страны,
Зная её вкус,
Принесли цыгане
Звонкую на Русь.

Здесь стихи и стансы
Страстны и нежны
Вылились в романсы,
Коим нет цены.

Перебор частушек
До чего ж речист!
Трогает нам душу
Заводной артист.

Плещет птичьим граем
Мастерской рукой,
Будто сам играет
Иванов-Крамской.

Классиков эмоции
Нынче – для мобил.
Современных Моцартов
Кризис загубил.

Временем удары
Сердца не унять –
Старую гитару
Слушаем опять!



ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

Соблазну уступив задумки,
Страсть воплощенья не унять.
И носишь творческие муки,
Как ждущая ребёнка мать.

Эскизы, образы, наброски
И вариантов круговерть.
Как замысел загнать непросто
В одну единственную клеть.

Ах, кто бы знал, как труд сей долог
До появления лица:
Этюд, грунтовка, подмалёвок,
А дальше – пропись... без конца.

Кисть положить на холст безбрежный –
Как в океан пуститься вплавь.
Портрет, открыв однажды вежды,
Подскажет: «Там..., вот здесь поправь».

Уже тобой он верховодит,
Мазкам указывая путь,
Хотя конец, казалось, вот он:
«Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть...»

Не отпускает от мольберта,
Не ведая, что кисть свело.
Картины – это те же дети,
И – расставаться тяжело.

Рождая их, роднишься с ними:
За каждым образом – судьба.
Ведут портретам счёт седины,
И – нимбом серебро у лба.



Удар последний. И усталость
Накатит вдруг свои валы.
Не надо ничего – лишь малость:
Хотя б словечко похвалы.

Не место человека красит –
Он может сам украсить жизнь.:
В картинах искренних – катарсис
И очищение от лжи.

Быть творчеством народу нужным
Не всяким выпадет в судьбе.
И держит Бог талантов души
Для высшей службы при себе.

Когда благообразны мысли,
И в сердце истины покой,
То водит вдохновенной кистью
Сам Бог трудящейся рукой.

Он через чистые творенья,
Наполнив светом их идей,
Шлёт на крылатом вдохновеньи
Свои посланья для людей.

Народу полон зал огромный:
Модели, критики, друзья.
И ты какой-то отрешённый
У Бога спросишь: «Уж ли я?!»

И принимая поздравленья,
Честь воздавая небесам,
Работам истинную цену
Наверно, знаешь только сам...



БАЯНИСТ

Виртуозна игра баяниста.
Но стеклянно застынет вдруг взгляд:
Вслед за музыкой дивною мысли
В край далёкий из зала летят.

Мастерство высочайшего класса
Прославляло служителя муз.
Но... оркестр однажды распался,
Как распался великий Союз.

Разорвались привычные звенья,
И душевный нарушен покой.
Жизнью брошен непризнанный гений
И уставшей от бедствий женой.

Подработки, по клубам мотанья –
Образ жизни вполне кочевой.
И в весёлой вдруг пьесе рыданья
Зазвенят музыкальной слезой.

Но спасает маэстро стихия –
Им придуманный песенный бал:
Целый вечер звучит ностальгия
По Парижу, где он не бывал.

Как во сне, он идёт по бульварам,
Где красотки призывно поют.
Музыкант, подпевая, в ударе
Не меха рвёт, а душу свою.

Взором внутренним смотрит он жадно
На кафешек парижских уют.
То не тувельки ли парижанки
Грациозно по клавишам бьют?



Он со страстью слепой наркомана
В мелодичном вихает дыму.
И парижские гнутся каштаны.
Аплодируя кроной ему.

Отзвучит аргентинское танго,
Кумпарсида. И так загрузишь!
И поверишь, что нет, не напрасно
По маэстро скучает Париж.

ПРИЗВАНИЕ

Весь мир уснул.
И лишь одни – в тревоге:
Сканируют судьбу детей в ночи
Избранники, что сопричастны Богу –
Родители, учителя, врачи.

Жизнь дали
И здоровье поддержали,
Смогли по буквам жизни научить
Достойные любви и подражанья
Родители, учителя, врачи.

Оставят след горячих дней угары,
Расстроят сон вставанья по ночам.
А будет ли потомков благодарность
Родителям, учителям, врачам?

Такая жизнь –
Лишь только по призванью,
Когда душа не киснет на печи.
И держат вместе с Богом мирозданье
Родители, Учителя, Врачи!



МУДРОСТЬ

Почему в изречениях мудрости – горечь?
Отчего в них, чеканных, вдруг слышится грусть?
Сколько истин рождалось в трагическом споре,
Чтобы их повторяли потом наизусть.

Как же сладкой ей быть,
Если мудрость – уроки
Чьих-то горьких ошибок,
Обидных потерь?
Как веселой ей быть,
Если в жизни жестокой
Мы не сразу находим заветную дверь?

Всем искателям истин –
И юным, и старым –
Отпускает ее без лимита казна.
Человечества мудрость – потомкам подарок,
За который заплачено в прошлом сполна.

ЗАВИСТЬ

Однажды высочайшим приглашением
Отшельника ввели на царский двор.
И после небольшого угощенья
Царь начал с посвящённым разговор:

«Довольствуетесь малым – аж завидно –
Святым житьём бежите от тщеты.»
В ответ монах: «Завидно мне, Правитель, –
Довольствуешься ещё меньшим ты.

Ведь мне принадлежат дороги, горы,
Сфер музыка и света волшебство,
Есть Бог в душе, а у тебя же кроме
Единственного царства – ничего.»



МЕТАМОРФОЗА

Я курс прошёл искусства обольщенья
У самого большого сатаны
Мне таинства чудес и превращений
Наставником заботливо даны.

Нечистая сыграла шутку сила –
Не устаю роптать, её кляня –
Ни разу никого не обольстил я,
Но обольщают запросто меня.

ЖИЗНЬ

Пока мы копим призрачные силы,
Пока мы сомневаемся в себе,
Уже наверх нахальные пробились –
Наверное, им некогда робеть.

И критикуя нашу жизнь досужно,
Мы понимаем: что-то в ней не так.
Нахальные власть захватили дружно,
И бездари заняли там места.

Когда принять решение боимся,
Когда идём дорогою не той,
За то, что устремлений сторонимся,
Заплатим неисполненной мечтой.

Не мысля о себе высокой мерой,
Готовы гибнуть в праведном бою,
Но в силы свои страстно не поверив,
Не проживаем полно жизнь свою.



УЧИТЕЛЯ

Есть обычай на Востоке –
Почитать Учителей –
Сердобольных и жестоких
В доброте святой своей.

А Учитель – это каждый,
Кто тебе хоть что-то дал,
Уберёт от зла однажды,
Слово доброе сказал.

Поругал тебя когда-то,
В ложный миг остановил,
Воспитал в тебе солдата,
Не жалея сна и сил.

Потому и не на месте,
А вперёд летит Земля,
Что живут всегда на свете
Доброты Учителя.

Пестуют неблагодарных,
Глупых, дерзких, дорогих,
Не надеясь, что когда-то
Добрым словом вспомнят их.



МОЙ ДОЛГ

Мои учителя – на том и этом свете.
Разыскиваю их, чтобы отдать свой долг,
Одним кладу цветы, другим несу конфеты,
А третьих я найти еще не смог.

Так много лет о них не вспоминал я, грешный,
Но что-то сердце дрогнуло вчера...
Забыт давно предмет, изученный поспешно.
Но не забудется урок добра.

Они простили нам все наше невниманье –
Добры учителя всех стран и всех времен.
Нужнее им ли, мне ли позднее признание –
Я шлю им благодарный свой поклон.

НАСТАВНИК

Человек позабытого ныне призванья –
Исповедник, владеющий тайной души,
При степенности внешней, немаленьком званьи,
Сердцем чутким откликнуться вечно спешит.

Человек первожданного смысла «наставник»
В скольких судьбах людей воплотился добром.
За заботы свои о других неустанных
Он увенчан в награду густым серебром.

Сколько судеб людских пропустил через сердце
– Оттого оно чаще с годами болит.
К огоньку его сердца приходят погреться.
Но раз греет оно, значит, точно, горит.



АВЕСТА

Где ты, Книга праотцов – Авеста?
Мудрость незапамятных веков,
Что была когда-то мерой веса
Праведных деяний и грехов.

В волнах ли Великого потопа
Затерялся твой прощальный след?
Но сквозь бытие, как изотопы,
Твои строки излучают свет.

Этот свет – и в формулах созвездий,
Россыпью – в сказаньях о былом,
В притчах, наставленьях и советах.
В непонятных знаках НЛЮ.

В мантрах звуков музыки духовной,
В искренней молитве, в красоте,
В добром деле, благодарном слове,
В сердце принимаемых гостей.

В нас самих – отдельные страницы...
Чтобы в них оставить след пером,
Надо каждый день на бой сходитьсь –
Вечный и святой – добра со злом.

Не пропала на Земле Авеста!
Время убыстряется – спеши
Дальних Предков праведные вести
Прочитать, раскрыв глаза души.



КАВКАЗСКИЕ БАШНИ

Сколько загадок оставили мудрые предки!
Сколько вопросов!
Найти ли на все нам ответ?
В картах созвездий, в рецептах и в формуле меткой
Знаний высоких живет созидающий свет.

Сфинкса загадка, пропорций секрет Пирамиды,
Ветхозаветных преданий ожившая даль,
Зов затонувшей, как будто вчера, Атлантиды,
В Африке гиблой космических будней деталь.

Нашей истории день будоражит вчерашний:
Предки нам важное что-то хотели сказать...
От Кордильер до Кавказа старинные башни
Время хранят, словно Пращуров верная рать.

Сколько прошло на Земле сквозь века изменений!
Времени глубь не окинет пытливейший взгляд.
Выстояв войны, пожары и землетрясения,
Башни, как Боги, над суетным миром стоят.

В чем их секрет? То ль пропорции были иные?
То ли какой-то особенный связки замес?
Что же случилось, Земляне, с потомками ныне,
Если связующий дух между вами исчез!

Если опять содрогаются вечные горы –
Не от космических сил – от безумства людей:
От наводнения зла, от пожаров раздора
И превращают в сирот неповинных детей.

Эй, вы, ученые! Где изыскания ваши?
Пламень познания неужто погас и исчез?
В душах людей возродите Кавказские башни,
Разным народам верните согласия замес!



ДОЛГИ

Долги, долги...
О, как гнетут они!
И где б опять перехватить немного.
Чтоб обновить ветшающие дороги
Для безупречной сердцем Натали.

Долги, долги по жизни, как петит,
Вокруг таланта сговорились словно.
И слово «долг» реляцией чиновной
В посмертном документе прозвучит.

Историю понять я не могу:
Что б стоило Поэта попеченье?
Ужели не поняв Его значенья,
Сама Россия перед ним в долгу.

В долгу за нам подаренный язык,
За славу, что добыл стране трудами,
И за свободу, что воспел стихами,
За Памятник, что сам себе воздвиг.

Как золотая рыбка, сколько лет
Он одарял Отчизну слишком пылко!
Кого хотели видеть на посылках,
Забыв синоним: Гордость и Поэт?

Да разве в камер-юнкерский мундир
Упрятать богатырский дух возможно,
Когда лишь словом этот мир острожный
Взрывал непобежденный сей кумир.

Свободы всплеск погашен в декабре:
«Иных уж нет, а те уже далече...»,
И о реформах нет уже и речи,
И спин прямых не видно при дворе.



Так одиноко без былых друзей,
Плеяды лицеистов увлечённых.
Прожектам о России обновлённой
Теперь не сбыться до скончанья дней.

На Чёрной речке на большом снегу
Добро и зло сошлись на битву вместе.
И отдаёт Он долг последний – Чести...
Теперь лишь мы пред памятью в долгу.

ПРОМЕТЕИ

У разных народов былинной Земли
Есть общие сказы и только свои,
Но чаще других и живее –
Легенды о Прометеях.

Истории ход для людей изменяя,
Герои – дарители чудо-огня,
Прогрессу служба беззаветно,
В веках не напрасно воспеты.

Они волшебство подарили печи,
Они отковали серпы и мечи,
И подвиг их в том, что однажды
В сердцах разожгли они жажду.

О жажда открытий неведомых зон!
О жажда – раздвинуть былой горизонт!
Желаний огонь нестерпимый,
Чтоб жизнь не промчалася мимо!

Те искры поныне сердца людям жгут,
К деяниям огненным смелых зовут.
И мрак озаряющий снова
Прославится пламенным словом!



НЕМЕЗИДА

Где-то в космосе открытом,
Как грядущая беда,
Ищет жертву Немезида –
Смертоносная звезда.

Под её дыханьем мёртвым,
Солнце прячущим во мгле,
Сколько раз уж было стёрто
Всё живое на Земле.

В космосе людского быта
Тоже часто нам грозит
Вспышка явных или скрытых
Вероломных Немезид.

И, глядишь, Пегас весенний
В плуг житейский запряжён,
Вместо чудного паренья
Пашет будни Апполон.

Не взрастивши злой обиды,
Помня доброе добром,
Он увенчан Немезидой
Лишь терновым серебром.

Но воскреснут, не остынут
И лучить свой будут свет
Аль-Таир и Аль-Евтина,
Альма-Матер и Аль-Берт!



РЕФЕРАТ О ЗЕЛЬЕ

Пило каждое сословье
В старину на свой манер:
Коль портняжка пьян был в лоскут,
Плотник – в доску, например.

В стельку пьян лежит сапожник,
До горячки пьёт ямщик,
А в дымину – это может,
Разумеется, печник.

Сквозь века журчала водка,
Гранями играл стакан.
Спал кладбищенский работник
От вина мертвецки пьян.

Вот, душою с Богом слился,
Чарку приложив к устам,
И до чёртиков напился
Уж не батюшка ли сам?

Напивались до упаду,
Кто-то был в железку пьян.
На хмельном звучат параде:
Вусмерть, вдрызг и вдребодан.

Пьют и в наши дни заразу,
Но, видать, не тот запал.
Что б напиться в космос, в лазер
Вряд ли кто из нас слышал.

Хоть почти достигли Марса,
В чём-то стал народ мельчать:
Ни гульнуть порой по-царски,
Ни красно о том сказать!



ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ

Поэт в России больше, чем поэт,
Когда, рискуя собственной свободой,
Талантом честным проливает свет
На беды и страдания народа.

Иной, стихами славя вражий бред,
Стране помог скорее развалиться.
Он для России меньше, чем поэт –
Живёт на дивиденды за границей.

Как хвост свой укусившая змея,
В своём холуйском творческом запале
На прошлое Отечества плюя,
И на себя вчерашнего плевал он.

Теперь не слышит он народных бед.
И жизнь Отчизны протекает мимо.
Поэт в России больше не поэт,
Когда он перестал быть гражданином!

СТИХИ

Стихи, как ангелы, садятся мне на плечи
И ласковые мысли тихо шепчут.
В слова их превращая, я пою,
В минуты эти находясь в раю.
Стихи мои вам не прибавят хлеба,
Но снимут боль вибрацией целебной.
Стихов букет – для вас с небес привет.
Я – только распечатанный конверт.
Как прилетают в сон они мой сладкий –
И для меня великая загадка.
Благодаря за эту благодать,
Я их спешу друзьям скорей раздать.



СТАВЕНЬ РАЙСКИЙ

Открываешь ставень райский –
А в окне, как лунь, седой
Жизнью бит, судьбой потаскан
Брат – совсем не молодой.

С гор спустился, да с Алтайских,
Чтобы, взяв столицу в лоб,
Отворил нам ставень райский
Сам Боярин, сам Холоп.

Так откуда же запасы
Этой чистой доброты,
Открывая ставень райский,
Высыпаешь людям ты?

Насыпаешь полной мерой
Добрым делом и стихом
Всем, в ком не угасла вера
В путь – в духовный отчий дом.

Делишься в пути по-братски
Хлебом-словом-лебедой.
Нараспашку ставень райский –
Сам душою молодой!

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Название, Автор, ритм, подстрочник, –
За дело трудное – вперёд!
Бубнит и шепчет полуночник,
Шлифуя грубый перевод.



Словам, потёртым в нашей речи,
Синоним ищет посвежей.
Метафорой крутой подлечит
Несовпадение падежей.

И вот, уж мысль в стихах клокочет –
На верном, стало быть, пути.
Но есть ещё душа меж строчек,
А как её перевести?

ПОЭТ

Ждёт его у окна мать-старушка,
Старый клён да плеяда берёз.
Анна Снегина жаждет послушать,
Что им нового в песнях принёс.

А в Америке ждёт Айседора.
На Кавказе грустит Шагане.
Опечалившись, вязевый город
Шепчет строчки его при луне.

Он ушёл, рассыпая в легенду
Золотые, как копыта, слова.
Среди звёзд заблудилась где-то,
Загулявши, его голова.

В подворотне любая гитара
Точно знает, что он среди нас,
И цыганский кочующий табор
С ним, как с песней, встречался не раз.

От стихов, на планете звучащих,
Негасимый сияет нам свет,
Жизнь нелёгкую делая краше.
Значит – жив в нашем мире Поэт!



БЫЛИНА

Не пора ли, разумная братия,
Миром всем осудить безобразия:
Младость всем иноземным прельщается –
Древлеславный уклад ущемляется.
Ажно вместо исконной глаголицы
Грекам пришлым с кириллицей молятся.
У Бояна былинные струны
Вдруг поют скандинавские руны.
Вон, товарки, на суздальских выселках,
Как болгарки, расшитые бисером.
А в обрядовых наших стенаньях
Стали слышны шамана камланье.
Что за ритм – половецкие пляски –
Это след от невест басурманских.
Понаехали фряжцы, варяги.
Немцы, чужь к нам несут свои флаги.
И в славянских уж слышится песнях
И мордвы мелодичность и веси.
Что ты, батюшко, брось, не витийствуй:
В нашей музыке чин Византийский!
Византийский? – такая есть версия,
Но наследство её – всё ж из Персии.
Душу трогает песня ямщицкая –
В ней протяжность степи не калмыцкой ли?
А комаринский спляшет мужик –
В ритме западных скерцо и жиг.
Подарил нам язык наш чистейший
Внук арапа великий и грешный.
А оплакал его непреклонный
Иноземных корней внук Лермона.
Путь России восславил как сын
Внук татарский Карамурзин.
И до творчества люди охочие:
Богомазы и книжники, зодчие:
Феофан, братья Фиорованти...



Сколько в Русь ими вложено страсти!
Тьма народов на нашей земле
Сто культур замесило в котле
И достигли достойных вершин,
Став загадкою русской души!

АНТИБЫЛИНА

Как связаться с временами,
Чтоб былинный мир воскрес,
Подскажи, Сергей Минаев,
Подаривший нам Duxless.

Тридцать лет тянул Илюха
Срок свой в Муромских краях.
И такая жизнь спокуха
На печи – сплошной ништяк.

Фольклористы-экстрасенсы
Родовой снимали сглаз.
Тут пошла другая песня –
Призывная, без отмаз.

Рэкет прекратил дорожный
Он на стрелке Соловья.
Помолившись на дорожку,
В путь – в столичные края.

К киевскому олигарху
Он в секьюрити пошёл.
Ну, а френдов в Клерикале
И в Гоодиныхче нашёл.

Вот Горыныч-огненосец
Да на тачке в три сопла.
Это, знать, америкосы
Лезут в наши вновь дела.



И летит с заставы message,
Что маршрут попутал бес,
Что опять к нам рвётся нечисть –
Ждём команды SMS.

Не допустим их к майдану.
Слушает радар востро.
Чтоб ответить по мордам им,
Из засек устроим ПРО.

Ладно, с недругами сладим,
Возведём надёжный щит.
А внутри от всяких гадин
Кто – скажите – защитит?

Все целебные коренья
У старушек отобрав,
Заработав злую славу,
Отобрав у мёртвых саван,
Улетучился Зураб.

И куды глядит Владимир –
Князидент всея Руси?
Защити, – кричим, – родимый!
Всё одно – как ни проси...

И быть может, дух старинный
Беспокоим мы не зря:
Встанут впрямь, как из былины,
С нами три богатыря!



НАРОД И ПОЭТ

Спасаясь от напастей и невзгод,
Свой опыт, как от бед коварных крышу,
Переплавляет в мудрость сам народ –
Поэт лишь озаряет это вспышкой.

История сквозь гул времён идёт.
Мы гром побед, стон поражений слышим.
Родит и чтит героев сам народ –
Поэт лишь обставляет это пышно.

Когда в стране с неправдой перебор,
Когда законы сравнивают с дышлом,
Народ выносит власти приговор –
Поэт лишь подтверждает словом-вышкой.

Не рад порой судьбе за волшебство,
Что больше, чем другие, видит, слышит.
Пронзительно выходят из него
Непрошенные, сердце рая, вирши.

В державные б не лезть ему дела:
Мудрее отсидеться в тёплой нише.
Какой бы атмосфера ни была,
Рождая песни, песнями он дышит.

Страна тысячелетьями живёт.
Пусть мира и достатка даст Всевышний!
Любой самодостаточен народ,
А вот поэт порой бывает лишним...



МАГИЯ СТИХОВ

В чём магия стихов, в чём их загадка?
Слова меняя, как ни ворожи,
Не трогают они в любом порядке,
Пока в них нет вибрации души.

Но вот, живой они взлетели стайкой –
Свершилось волшебство! И может быть,
Когда стихи ожившие читаешь,
Душа с душою может говорить.



ПЕРЕСТРОЙКА

Перестройка просветлила нам умы:
От тюрьмы спасла,
Низвергла до сумы.
И теперь зато вольны мы и умны,
Не кривы уже на глаз, зато хромы.

Время мчит – не голоснёшь ему: «Постой!»
Не вернешься вновь в порушенный «застой».
Хоть топтались долго, но промчали мы
Путь короткий от тюрьмы и до сумы.

АВГУСТ 1991 ГОДА

Каких тяжёлых выпало три дня
Мучительных,
стремительных

и долгих!

Душа металась, корчилась броня
Между огнями совести и долга.

Воспитанные массовым бичём
От закоулков и до стен столичных,
В три этих дня был каждый обречён
Впервые в жизни сделать выбор личный.

Трагедия и фарс!
Здесь было всё:
Геройство и постыдное паденье.
Как в детской сказке, богатырь несёт
Вчерашнему гонителю спасенье.

Пылали очищения огни.
И души, корчась, спрашивали строго:
Остались ли иные в эти дни
Достойными перед людьми и Богом?



БАЗАР

И город, и страна – сплошной базар,
Но горько, что теперь не стало стыдно
И честь, и память превращать в товар.
Боюсь, и нас уж продали, как быдло.
Большевикам был сам и черт не брат,
А брат ли для народа демократ..

ДЕФИЦИТ

Всё нарасхват!
Вчера не стало мыла,
Сегодня – соли.
Завтра что сулит?
Протуберанцы денежные взмыли,
Как след свой оставляя дефицит.

Исконно на Руси на радость бесам
Нехватка в мелочах – родное зло:
Себя, мол, ни зарезать, ни повесить, –
Аж в поговорку горькую вошло.

Ни чёрту – кочерги,
Ни Богу – свечки,
Ни мужику за труд свой – ни шиша.
Но всё ж была за бедностью беспечной
Широкая народная душа.

Но в годы войн бывало и беднее –
В торговле чехарда не так страшит.
Сегодня нам наверное важнее:
Не наступил бы дефицит Души!



3 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Я в политике грязь не люблю
И того же желаю другому.
Господа, собирайтесь к Кремлю,
А товарищи – к Белому Дому!

На дуэли досталось «рублю»:
Как Дантес, ухмыляется «доллар».
Господа, помолитесь Кремлю,
А товарищи – Белому Дому!

Между тем, кто стоит у руля
И народом – так пропасть бездонна:
Хоть Приказ и стрелял от Кремля,
А душа-то была в Белом Доме.

Будет пухом погибшим земля –
Эта жертва по-русски огромна.
В черной саже ворота Кремля
От позора у Белого Дома...

АНТИГЕРОИ

Опять гремят «герои» Куршавеля –
Гуляет на награбленное вор.
Без совести, без чести и без веры,
Страну всю выставляя на позор.

Покуда власть грабителям в угоду
Банкует, миру в обществе не быть.
Богатства те, что созданы народом,
Мы не отнять хотим, а вернуть.



КРИТИКУ «ЗАСТОЯ»

Круша без меры и печали
«Застой» и ряд минувших вех,
Смешали с грязью идеалы,
Чем жив и славен человек.

Но совершить ли возрожденье
На этой мертвой пустоте?
Мы монолитны в заблужденьях
И одиноки в доброте.

Уйми погромный пыл, опомнись:
Всему разумный есть предел,
Ведь мы – наследники, потомки
Имен святых и славных дел.

Конечно, выкричатся вправо,
Что мы обмануты всерьёз.
Но что потомкам мы оставим?
Такой мучительный вопрос.

ВРЕМЯ

Время супермаркетов, ларьков,
Время олигархов и бандитов,
Крикунов, ОМОНа и лгунов,
Грабящих страну своих открыто.
Время для реклам и казино,
От властей тотального обмана,
Пошлого, кровавого кино,
Обнищанья нашего кармана.
Будто бы всемирный лиходея
Нагло издевается над нами.
А придёт ли время для людей?
Чистоты поднимется ли знамя?

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ 1999 ГОДА

Обещали затменье – как смену великих эпох.
Обещали затменье, с которым придёт обновленьё.
Но Россию забыл воскресить к новой жизни наш Бог –
И не видно конца наступившему в жизни затменью.

Не один уж премьер, как петух, прокричал нам рассвет,
Прокудахтала свита о новых реформах нестройно,
Ну, а света в конце затянувшейся ночи все нет.
И отправлен петух за обман или смелость на бойню.

В воровской темноте развелось шакальё-вороньё,
Существа без стыда, чувства Родины, чести и сердца.
Как дешёвый товар, продают государство своё,
И людей, и святыни за медный пятак иноземцам.

Как слепые во тьме, мы пытаемся день наш вернуть –
Путь отрезан назад – нам бы в завтра, покуда не поздно,
Но шарахаясь спешно, не можем нащупать свой путь.
Обезумевший Бог вновь тасует по-новому звёзды...

ТЬМА

О, Господи! Дай в этой тьме прозренья:
Пророков тёмных чёрные дела
Взрастили вавилонское смешенье
Неверия, невежества и зла.

Хоть избранным дай истину, иначе
Не кончится всё для людей добром,
Чтоб в этой тьме заблудшим и незрячим
Быть не пророком – хоть поводырём...



ВЗГЛЯД

Поили нас касторкою
И бедным рыбьим жиром,
А за окном История
Нас радовала миром.

Хоть берегли мы крохи,
Но грел надежды лучик.
Мы жили очень плохо,
Но с каждым годом лучше.

Вперёд ушла эпоха –
О прошлом уж не тужим.
Живём куда как плохо,
Но с каждым годом хуже...

ЛИВЕНЬ

Залётный, косой и разбойный
Нежданно изподтишка
Прогромыхал непристойно
И выжал на нас облака.

Дома нахлестал и деревья,
Обдал не успевших под зонт,
Сверкнул напоследочек гневно
И скрылся за горизонт.

Деревья – намокшие цапли,
Дрожа, опустили крыла,
И с веток набухшие капли
Нацелились в луж зеркала.



МЕССА

Я мессу отстоял в воскресшем храме,
Я душу окунул в купель-хорал.
Я впитывал Евангельскую драму
И драмы дней своих перебирал.

Привычно разум ловит цепь гармоний,
Аккордов, модулирующий нежный свет.
Кого такая музыка не тронет!
Вот только ощущение чуда нет...

Мы рвались в храм, как встарь, ища спасенья,
Но, сберегая не живот, а дух,
У злобы, лжи, бесчестья в окруженьи
Беспомощными оказались вдруг.

Что ж запоздало мы так жадно ищем?
Духовности нащупать тщимся нить?
Когда всю жизнь мы были духом нищи,
Суметь ли вдруг богатство ощутить?

Воспитывали в нас плакатной книгой
Тромбозы мысли, чувств слепых застой...
И горько усмехнулся храм-расстрига –
Концертный храм, увы, а не святой.

Дух предков благороден – да простится
Вернувшийся к порогу блудный сын.
Но, чтоб к истокам сердцем возвратиться,
Потребуется год, и не один.



КАВКАЗ

По своей природе влюбчив,
В новом для себя краю
Его рекам, долам, кручам
Песнь хвалебную пою.

Но не ветреный любовник
Очиняет мне перо –
Пред Землею долг сыновний
Согревает вновь нутро.

В самых дальних закоулках
Не теряюсь чужаком:
Новый край, но в чувствах, звуках
Чем-то мне уже знаком.

Сердцем слышу голос предков.
Человечества всего,
Времена, когда от веку
Не делили ничего.

Многочисленны легенды,
Что идут из старины,
Словно горных тропок ленты,
Витьеваты и длинны.

Опыт, мудрость в них народа,
Вечный бой добра со злом,
Чуткая любовь к природе,
Путнику открытый дом.

И урок, и наставленье,
И далеких предков весть,
Чтобы не пришли в забвенье
Совесть, долг, почтенье, честь.



В них мечта о лучшей доле,
Если в рабстве край родной,
То посев стремленья к воле
Самой высшею ценой.

Детство вдруг припомнил сразу –
Передать лишь не берусь
Аромат восточных сказок,
Притч библейских тонкий вкус.

Об Иосифе и братьях,
Авиценны чудесах,
О небесной грозной рати,
О полетах на коврах.

Чем не университеты?
Воспитанья мастерство!
Люди впитывали с детства
Дух народа своего.

На майдане, повествуя,
Сам сказитель мог в сюжет
Влить и заповедь святую,
И родительский завет.

Сила слов была громадна
И молитв целебен звук...
А теперь подобных магов
Экстрасенсами зовут.

Так, Пророка в поднебесье
Заклинанье занесло...
Но сегодня всем известно:
Это просто НЛО.



Песен и поэм немало
Бардам подарил Кавказ,
Буду чуток, как к намазу,
Спой и мне на этот раз.

Галечник шуршит картечью,
Лезвием меж тесных скал
Холодно блистает речка,
Как карающий кинжал.

В шуме грозном водопада
Древняя струится песнь,
Не терпя в душе разлада,
Как отстаивали честь.

Чудится: цепочкой к лесу –
В пирамидах-тополях –
Скачут стройные черкесы,
Чуть привставши в стремянах.

Склоны гор – гигантов бурки,
Белоснежны башлыки.
С благодарностями утро
Вновь встречают старики.

Гибкотела и красива,
С длинной шелковой косой,
Наклонилась к речке ива,
Как горянка за водой.

И над всеми величаво
Возвышается Эльбрус –
Страж Кавказских гор двуглавый,
Завернувшийся в бурнус.



О, Кавказ, владыка горный,
Тысячи народов князь!
По столетьям путь твой торный,
Шел, воюя и трудясь.

Где-то здесь, в садах Эдема,
Процветали, говорят,
Юные Адам и Ева
И греха вкусили яд.

После кары злой небесной
Возрождался человек,
Ной когда – Пророк библейский –
Здесь причалил свой ковчег.

В недрах – вечные богатства,
Благодатный, щедрый край.
На столы радивых яства
Обещает урожай.

Надо сообща стараться
Счастье удержать в руках.
Всем известно горцев братство,
Помощь путнику в горах.

Здесь История вязала
Множество тугих узлов.
Горы на дыбы вставали,
Руша и добро, и зло.

Всю добротность жизни райской
Враз коверкала резня.
Покидали люди край свой,
Долю горькую кляня.



Но Истории уроки
Не закончили свой сказ –
Так свежи кровоподтёки
На лице твоём, Кавказ!

За раздел антигерои
Выступают горячо,
И сегодня перекройка
Не закончена ещё.

Каждой осенью на склонах
Закудрявившихся гор
Листья вспыхивают клёна,
Словно жертвенный костёр,

Памятью о всех погибших –
Не на праведной войне,
Рано головы сложивших
В разрушающей резне.

Каждый лист – душа джигита,
Невозвратная вовек,
Крик природы: «Прекратишь ли
Эту бойню, человек?!»

Кто ты есть – чеченец гордый,
Йезд, аварец, осетин...
Помни: в час раздора горький –
Общего Кавказа сын!

Но решаются ли споры
В семьях саблей и огнем?
Мир вам, люди!
Мир вам, горы!
Мир тебе, кавказский дом!



ЭЛЕКТРИЧКА

Опять в электричке – тальянка,
Как после Великой войны:
От ужасов огненных пьяные
Безногие пели сыны.

Звучали и боль, и обида,
И горечь свалившихся бед.
Всё – в прошлом.
Нет тех инвалидов.
Нет тех покалеченных лет.

О чём же ты плачешь сегодня,
Гармошка, ведь нету войны?
Войны-то хоть нет – нет свободы,
Нет мира и нету страны.

Таджик ли поёт оборванец,
Строитель-хохол, молдован,
Русак, азиат и кавказец, –
Всё дети чужих уже стран.

И руки, и ноги на месте,
И раны на них не видны.
И всё же калеки мы вместе
Без нашей единой страны.

Идут электрички этапами,
Везут и беду, и вину.
И песни звучат в них анафемой
Разбившим однажды страну.



ОФИЦЕРЫ

Отчизне вы служили верно,
Порой не зная про покой.
На постаревших офицеров
Махнула Родина рукой.

Не к нищим ли пенсионеров
Сумели власти приравнять?..
Не может сердце офицера
Себя на рынке продавать!

Урок послужит ваш примером –
Чего же ты, Отчизна, ждёшь:
Захочет в ряд ли в офицеры
Стремиться наша молодёжь?

Банкиров полк растёт безмерно,
Юристов штаб, рать продавцов.
В солдатах – дети офицеров ,
Не откупившихся отцов.

На выживаньи – ветераны:
Лекарств доступных нет уже.
Опять болят бывлые раны
И больше те, что на душе.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

В чём тут мужество, в чём подлость,
Если жизнью не своей
Мы живём легко, осёдло,
Привязав к крыльцу коней?
В тёплом доме не согреться.
Чувств бездомных – через край.
И терзает моё сердце
Рай, потерянный мой рай.



КУЛЬТ

В борьбе с известным культом личности
Победу хаос одержал,
Порушив всё, - и культ наличности
В стране сегодня правит бал.

Всё хапая до неприличности,
Разбогатела власть раз в сто.
Поскольку мы – без денег личности,
Мы для наличности – никто.

Назвать, переходя на личности,
Их сливками нечистых рук?
Припасть к кормушке госналичности
Допущен только узкий круг.

Власть научилась вдруг креститься.
Свой рекламируя режим,
Но научилась бы молиться,
Не забывая, что грешим!

ГРИБНОЙ ДОЖДИК

А вот он и дождик!
Так славно идёт
По лужам весёлой походкой.
Порой головою до туч достаёт,
Вздыхая, мол: «Ну и погодка!».

Но он и лучам потесниться готов:
С дождинками солнышко брызнет,
Чтоб было в сезоне побольше грибов
И больше конечно же жизни!



НА РЫНКЕ

На рынок зашёл в выходной, в Тёплый стан.
Почудилось что ли: «Аршин Малалан...»?
Верчу головою. Два шага вперёд –
Кавказец с усами тихонько поёт.

Ту песню я в детстве услышал давно,
Когда напротырку ходил я в кино.
И после сеанса в восторге пацан
Бежал, распевая: «Аршин Малалан!».

Всё было понятно, открыто, легко –
С товарищем Гиви я пел Сулико.
Спевали с Миколой, пьяны без вина,
Как нас пидманула дивчина одна.

Никак не забыть белорусской поры:
Не смолкли доньне в душе Песняры.
Жизнь, может, не лёгкой, но светлой была,
О чём распевал наш узбекский Ялла.

Ни «чёрным», ни «жёлтым» не звали людей –
И пёстрым был мир лишь по цвету идей.
Единым народом мы были тогда,
Пока не пришла перестройки беда.

Как кучка прохвостов смогла на верху
На дружбу народов наляпать хулу?
Как сбить удалось со благого пути,
Нас всех обокрасть, очернить, развести?

Вот так с новым другом на рынке стоим:
О рухнувшей жизни былой говорим.
Хоть не было в плане, я что-то купил –
В честь дружбы Советской он мне уступил.



ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ

«Что за муки? Скажи-ка нам честно:
Отчего так грустны твои песни?
Не твоё ль назначенье, поэт,
Проливать людям радости свет?»

Над Кремлём не погасли рубины.
Слава Богу, мы – не на чужбине».
На чужбине... ведь столько уж лет
Той прекрасной страны моей нет.

Дело вовсе не в старом названьи –
За какие грехи в наказанье
Эта властная пьяная мразь
Мир наш рушила, нас не спросясь?

Перекройкой прикрывшись, расстриги
Смуту нам навязали, как иго.
Растоптал новый русский злодей
Души чистых и добрых людей.

Воровство поселили и злобу.
Сократили дорогу нам к гробу.
Всё ругали, что в прошлом – не так:
Лагеря вспоминали, ГУЛАГ.

А теперь, оседлав все законы,
Дембандиты – открыто в законе:
Речи, методы – будто на зоне.
Паханы – под защитой ОМОНа.

С высоты техногенной, ракетной,
От уверенной жизни безбедной
Опустили страну до ларьков,
До голодных, больных стариков.



Летописцы делились обидами
О полоне, об иге, погибели.
Только наша-то в том и беда:
Изнутри одолела орда.

Нету мира в душе, нету лада.
Никогда не смирюсь я с неправдой.
И не знаю, как людям помочь
Пережить эту лживую ночь.

БЕС...

Жизнь стала, как нейтронный ускоритель,
Всех погоняет, уравнивая в клише.
Как порожденье этих диких ритмов –
Озоновые дыры на душе.

Событий замелькавших килогерцы
Пою и лежащих бьют поддых.
Вставал уже не раз реактор сердца
От жизненных Чернобылей моих.

Меняются правители на троне.
Но что очередной из них там смог?
Пока на бездержавном небосклоне
Лжеобещаний надоевший смог.

Ликуют БЕС, бесстыжесть, бестолковость.
Глумятся беспределом столько дней,
Бездумно порождая бездуховность,
Как бесхребетность Родины моей.



ДЬЮТИ ФРИ

Суе́тимся. Тамо́жно прошли.
Сдан бага́ж – мы́ почти за границей.
И э́литный отстой дью́ти фри
Ка́жет нам кисти Бре́йгеля лица.

На товар, потре́сающий взгляд,
Ма́терьясь беспардонно и смачно,
Взяв корзинки, ма́дамки летят,
С голоду́хи как будто бы, алчно.

Всё на запах, на вкус и на зуб
Пере́пробывают по-хозяйски.
Как вампи́рши, крова́вый свой зуд
Не скрыва́ют, сорвав свои маски.

Видно, неча́ у них поку́рить
Да и выпить, наве́рное, нету,
Если, к ка́ссе летя во всю прыть,
Та́щат виски, ду́хи, сига́реты.

Не смуща́ют их цифри́щи цен.
Хоть в э́литу стре́мятся ряди́ться,
Ма́кияж не привнёс пере́мен
В некра́сивые, злые их лица.

Укури́лась: одну́ за одной
Ту́шит в фику́се «мальборо» сти́льно.
И прикле́ился к уху ду́гой
Не счита́ющий денег моби́льник.

Заробели́ с жено́ю мы́ тут
И на це́ны гляди́м по-сиротски.
Где же лю́ди деньжи́щи беру́т,
Что́б гу́льнуть на пи́ру э́том скотском?



Этот мир – навсегда нам чужой.
Нам привычнее бывать на базаре,
Где в рядах всяк прилавок – родной
И с доступным и нужным товаром.

Разговор там понятный живой,
И молочнице есть чем гордиться.
Среди публики этой я – свой.
Вот где вправду красивые лица!

МУЗЫКА-НИЩЕНКА

То ли возвращается к нам былая мода,
То ли развернулись на Руси года...
Нищие – на улицах, в грязных переходах.
Сгинули «товарищи», вышли «господа».

И ещё примета жизни перекошенной:
Музыкантов армия вышла на панель,
Выбивая слёзы у людей непрошено,
То гармоника рыдает, то скулит свирель.

Что-то вдруг военное затрубил оркестрик –
В сердце хлынул праздник в волнах кумача.
За привет из бедного, радостного детства
Бросил рубль признания в шапку трубача.

Кто? Кому в угоду, нашу жизнь уродуя,
Радости лишил всех, некого спросить.
Оживляя звуками эти дни жестокие,
Нищенкою музыка бродит по Руси.



ПРЕДЧУВСТВИЕ

В стране чужим себя стал ощущать.
С экранов нам с рекламным промежутком
Спешат себя, как звёзды, показать
Бандиты-супер, супер-проститутки.

Мы впереди планеты всей идём
По нефти, газу, СПИДу, наркоманам.
Короче, мы богаче с каждым днём,
Но этого не ведают карманы.

И страх, и напряженье, и террор,
Дефолты, катаклизмы и напасти –
Всё здравому уму наперекор.
И ценовой террор нам чуждой власти.

Глашатаи давно за рубежом –
Им не по нраву то, что породили.
Иной трудяга нищим стал, бомжом.
Рожают меньше, чем кладут в могилы.

По воле кукловодов наш ОМОН
Захватывает фабрики, заводы,
Старух гоняет смело. Где же он,
Когда бандит гуляет на свободе?

Какой-то червь нас точит изнутри,
В пустой державу превращая кокон.
И как бы вор всемирный ни хитрил,
Однажды бунт нам всё же выйдет боком.

И вроде бы, граница – на замке,
О ВВП победные реляции.
Но сердце сжато, словно в кулаке:
Всё глубже ощущение оккупации...



РЫЦАРИ ДУХА

Время спутало что-то,
Словно в пропасть спешит,
Не зовет Дон-Кихота
Для спасенья души.
Ни шутов оголтелых,
Ни юродивых нет
Между черным и белым
Высечь истины свет.

Запечатаны воском
Не у правды ль уста?
Сатанинское войско
Свой диктует устав.
В души тяжким недугом
Поселяется злоба.
Храмы – рыцари духа
Начищают шеломы.

ВАРИАНТЫ

В правительстве сменяются команды.
Стране сулят успехов варианты.
Но не забрезжил для людей рассвет.
У совести-то вариантов нет.

Под аппетит свой воровской нескромный
Клепает власть всё новые законы
Себе – на прибыль, большинству – во вред.
У совести лишь вариантов нет.

Соблазны нас сбивают и сомненья!
Так тяжело порой принять решение.
Послушай сердце – там всегда ответ.
У совести ведь вариантов нет.

ЧЕЛОБИТНАЯ ПРОСТОЛЮДИНА ЦАРЮ БОРИСУ

Цены ошалели –
Господь, нас спаси!
Только жизнь – копейка
Нынче на Руси.

Накажи, царь-батюшка,
Накажи, родной,
Ты бояр-безбожников
За такой разбой.

И куда нам деться,
Коль в верхах разброд,
Будто иноземцы,
Грабят свой народ.
То налогом душат,
Вороньём клюют
Ростовщик и скупщик,
Да чиновный люд.

Кровь людей водицей
Ни за что течёт.
Вору и мздоимцу
Деньги да почёт.

Нет терпенья боле –
Помоги, родной...
Коли сам не в доле
С этою ордой.



ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ

Мы не живём, не умираем,
А постоянно выживаем –
Всегда на лезвии ножа.
В окно Европы мухой бьёмся.
Но к новой жизни не пробьёмся,
Вокруг да около кружа.

То нас дефолтом опускают,
То общим кризисом пытаются,
Реформ зияет рваный след.
Концом ли света нас пугают,
За лень исконную ругают –
В ближайший век просвета нет.

А может, просто отвлекают,
Пока нас бьёт всемирный Каин,
На прошлое бросая тень?
Кукожится страна большая.
Надежды на рассвет лишая,
Нас затемняют каждый день.

И на вопросы нет ответов.
Зато всеобщим интернетом
Нас обещают охватить.
Но лучше бы – жилья и хлеба,
И без воря земли и неба,
Чтоб просто и достойно жить!



ЗВЕЗДА БАЗАРА

Поплачь, красавица, поплачь
Над жизнью – над упавшей крынкой.
Курчавый чёрный твой палач
Тебя турнул, наверно, с рынка.

Свой горький плод не понесёшь –
С ним стыдно показаться в доме.
Себе самой придумав ложь,
Оставишь ты его в роддоме.

Сюда с надеждою ты шла
Подзаработать у джигитов.
А тут такие вот дела...
Звезда базарного лимита.

В былые годы ты была б
Активной смелой комсомолкой.
В устах поганой силы зла
Ты – быдла дочь по кличке «Тёлка».

Ах, это не твоя вина,
Что оказалась в этом рабстве,
Когда разграблена страна,
И проданы мы с государством.

Горыныч – иноземный змей –
В славянский мир вонзает жало.
С времён фашистских лагерей
Так женщин здесь не унижали.

А строй хмельных богатырей
Без гордости и чести жженья
У новых русских главарей
И в грузчиках, и в услуженьи.



И плачет девушка опять.
И некуда ей с горем деться.
И не утешить, не унять
Ту боль, что раздирает сердце.

Кто ты и из каких краёв,
Хохлушка или молдованка?
В стране зарвавшихся воров
Теперь ты стала иностранкой.

МЫ БЕЖЕНЦЫ САМИ...

Лишили гражданства
Бездумно – всю скопом – страну,
Порушили братство
Народов, посеяв войну.

Не цепи нам жалко –
Не новый ли это недуг?
В родной коммуналке
Остались без Родины вдруг.

Создали немало
Богатства стране мы трудом,
Но бывшими стали
На празднике жизни чужом.

Нет прежней отваги,
На всем – разрушенья печать:
Ни гимны, ни флаги
В честь наших побед не звучат.

Мы всех привечали,
А нынче судьба – не в руках,
Мы беженцы сами –
От здравого смысла в бегах.



ВЕРА

Что за эти годы мы итожим?
Осмеянье всех былых идей?
Верующих вроде стало больше,
А вот веры – меньше у людей.

Веры в Бога, веры в справедливость,
Веры, что наступит лучше жизнь...
Сдали нас грабителям на милость,
Внутренним, братве – так что, держись.

Ничего святого у них нету –
Не страшны ни мненье, ни острог.
Раньше, хоть и под тупым запретом,
Но Он был у верующих Бог.

Новое слепое поколение
Дух народа истребит вконец:
Вместо Бога им для поклоненья –
На рекламах золотой телец.

Для кого же строит снова храмы,
Жертвуя награбленное, вор?
Автор кто безверья нашей драмы
Так и непонятно до сих пор.

СТРОЧКА

Пожелтели страницы
И выцвели буквы,
И от будней потёрлись слова.
Как в глазах старика
Мысль, добытая в муках,
Эта старая строчка жива.



ТУМАН

Над Россией – туманы неделю иль век,
Или люди свой свет зачадили?
Человека не стал различать человек.
Только слышно тревожное било.
Непогода разрухи, удушливый смог
Словоблудства, неверия полночь...
Сквозь туман не увидит, наверно, нас Бог,
Чтоб придти честным людям на помощь.

КАМО ГРЯДЕШИ?

Цветов потоп, травы густой некошенной.
Земли полно заросшей позаброшенной.
Питаемся углём и газом, нефтью мы,
Вампирами став для страны и ведьмами.

Какие работяг свалили недуги?
Не захватили землю нашу недруги.
На смену целине, заводам, космосу –
Торгово-развлекательные комплексы.

Крестьяне, инженеры и рабочие
Простейшим выживаньем озабочены.
«Ура!» демвласти громко так кричали мы,
И подчистую властью той ограблены.

Страны богатство, нажитое предками,
В руках немногих – жаловаться некому.
Зато – свобода воровства, агрессии,
Насмешка над людьми размером пенсии.

С экранов обещают жизнь нам праздную
И навевают сон души и разума.
Корабль дураков деньгам в угоду
Ведут во тьму под мерный храп народа.



ХЛАМЬЁ

Рождаем гениальное хламьё,
Великие прекрасные обломки,
Талантливое меткое враньё
И ценности пустые для потомков.
Неповторимость собственного «Я»
Так полнокровно дарим подражанию,
Чужим богам чужого бытия,
Забыв своих героев и преданья.
Ума и сердца золотой запас –
На украшеньё заграничной бляшки...
Прервешь ли под чужую дудку пляс,
Страна моя – богатая бедняжка?!

НАРОД И ВЛАСТЬ

Вы – сами по себе, мы – сами по себе,
А между нами – лишь одна неправда.
Живём в стране одной – различны по судьбе.
Друг другу мы скорей всего не рады.

Язык пустых речей нам вовсе не знаком.
Разрыв в достатке набирает скорость.
Вы грабите народ, ссылаясь на закон,
Который не приемлет наша совесть.

Ах, сколько же дурачить можно нас?
Мы радуемся, как конфетке дети,
Когда ругает власть в который раз
Наш стойкий оловянный президентик.

Ну, неужели глух в руке держащий кнут,
Что нарастает рёв не одиночек – стадный.
Не дай нам, Бог, чтоб вновь проснулся бунт
Бессмысленный для всех и беспощадный.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ

О, времена!
Богат лишь выбор «измов»,
Во всем другом найти ль еще бедней?
Мелькают убеждений дешевизна
И вспьшки одноразовых идей.
Непогрешимый юных душ наставник
Куда девал былых речей накал?
В цене упавший хлебушек оставил
И теплое местечко подыскал.
Бесстыдны перевёртыши иные –
Поистине: не знают, что творят!
Программной ложью наши души вынув,
За бездуховность нас же и корят.
И атеистов полк без покаянья,
От веры отлучив святой народ,
Вогнав его в греховность воспитаньем,
Теперь на откуп церкви отдаёт.
За новое мышление голосуют,
Опять они сулят стране прогресс
И повторяют имя Бога всуе
Так часто, как вчера КПСС.
А как быть тем, в ком есть задатки чести,
Кто предан идеалам всё равно?
И с новой ложью быть нельзя им вместе,
И с верой предков порвано давно.
И маску разгадав под новым гримом,
Как прежде, без оглядки, не пойдут.
Вот почему один уходит в схиму,
Другой – в разгул, ну, а иные – в бунт.
Переживем и эти испытанья –
Ждут впереди нелегкие года.
Но только горечь разочарований
Останется на сердце навсегда.



ОТЕЦ

Пошёл болезненный и нервный,
Что и во всей стране, процесс
В родимой спившейся деревне –
Колхозе с именем «Прогресс».

И хоть по жизни было видно,
Что нашим бедам нет конца,
Но мне порою было стыдно
За «несознательность» отца.

Он приводил добра примеры,
Чтоб от грехов нас уберечь.
Смуцала сердце пионера
Отца с крамолинкою речь.

Войны Великой сам участник,
Видавший смертную пургу,
Он призывает к соучастью –
И даже к старому врагу.

Вот свежий ветер перестройки –
Борьба за слишком трезвый быт.
Отец в молитвах беспокойных
Святой прорыв благословит.

Отец, собою оставаясь,
В те годы душу не поправ,
Заблудших нас не обливает
Холодным душем: «Кто был прав?»

Живёт, душою не вихляя
Изгибам «линии» вослед,
Умом и сердцем проливая
Простых и вечных истин свет.



ЗАЛОЖНИКИ

Цена на жизнь – всё ниже, всё ничтожнее,
На остальное цены рвутся вверх.
Опять, опять захвачены заложники.
О! Господи, какой на людях грех?!

Нам обещали с новой Конституцией
Построить дом, каких на свете нет.
Предательство, продажность и коррупция
Исхрумкали наш дом, как короед.

Зовут нас к вере бывшие безбожники,
Благотворяя долей грабежей.
И вся страна – давно уже в заложниках
Тузов в законе, их шальных пажей.

И имя Бога повторяя всеу,
Сбратавшись с заграничным сатаной,
Судьбу нам, как колоду карт, тасуют
И бьют зелёной мастью козырной.

Вампиры пьют из нас до невозможности
И нефть, и газ, и кровь, и ум, и свет.
Захватчики и те, как мы, заложники
Бесправья, беззаконья, общих бед.



AVE!

Звучит «Ave Maria». Рождество.
Ликует христианство всего мира.
Одна страна с печальным «status quo»
Под Новый год латает жизни дыры.

Тьма беженцев.
И в эмигрантах – Бог.
И в нищих ходят золотые руки.
За что же нас преследует так рок?
За чьи грехи мы принимаем муки?

Иисуса приносила в жертву Мать
Всем людям, чтобы царство зла разрушить.
А нам за что в жестокий мир бросать
Детей своих невызревшие души?

ХРАМ ДОБРОТЫ

Не превращайте храм в каменоломню –
Доступность лишь обманывает нас.
Поступок остается вероломным,
Пусть и свершён без посторонних глаз.

Ломая кладку, мы ломаем Память,
Раствор души тех предков дорогих
И часть души, в наследство взятой нами
От мучеников грешных и святых.

Храм истин добрых, нравственных устоев
Оставим ли потомкам хоть один?
А новое, на разрушеньях строясь,
Грозит холодным будущим руин!



ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Герои нашего безвременья –
В чём их отличие от толпы?
Златая цепь и пальцы веером,
Непробиваемые лбы.

Лица необщим выраженьем
Герой, увы, не знаменит.
В одной цепочке в разных звеньях
Он и чиновник, и бандит...

Герой бессовестный и мерзостный
Творит великий беспредел.
Страны измученной, растерзанной
Ещё не кончен передел.

Ах, не ищите человека –
Здесь воплощенья сатаны.
Случилось ограбленье века –
Своих людей, своей страны.

В кошмаре этом нету брода.
Когда-то проходили мы,
Что был царизм тюрьмой народов,
А нынче мы – народ тюрьмы.

Так, кто же он герой безвременья?
Понять хотим, наморщив лбы.
Одно лишь ясно, что нас предали,
А мы покорны, как рабы.



ВЕЛИКИЕ РАЗВАЛИНЫ

Какая ложь, какая клевета!
Прескверный миф для потерявших гордость.
Чьи первые произнесли уста,
Что варваром разрушен Вечный город?

Блестящий Рим – народов властелин,
Могучей дланью держащий полмира,
Воинственен, красив, непобедим,
Воспет любви и восхищенья лирой.

Завоеватель стран – чтоб созидать,
Чтоб варварам возможность дать развиваться.
Мог опекать, а надо – обуздать
Империи опасный бунт провинций.

Да, был диктат. Закон – для всех один.
Излишняя порою, может, строгость.
Но каждый защищён. И гражданин
Испытывал за государство гордость.

Вне стен напрасно ищем мы врага:
Был варвар порожден в самом же Риме.
Не открывал он чужакам врата.
И вряд ли назовет его кто имя.

Сошлись: завистник, младодемократ,
Бездельник, демагог с горбом амбиций
И недоучка – лишь вчерашний раб,
Пожить вдруг возжелавший, как патриций.

Ораторы наемные кричат,
На день вчерашний льют грязищи кучи.
Мздоимцы переполнили сенат,
И казнокрады числятся среди лучших.



В разврат и лень как можно быстро впасть!
Унижен дух, и культом стало тело.
Теряет сразу веру плебса власть.
И никому ни до чего нет дела...

А дальше... к сожалению, сюжет
Не раз повторен жизнью равнодушно.
Но никогда я не поверю – нет,
Что Третий Рим был варваром разрушен.

ТИПЫ

Пропал в народе прежний наш характер
Открытый и весёлый – от души.
Куда всё делось?
Кто нас так растратил?
И нету лиц – сплошные типажи.

Какие-то пародии, потуги:
Вот – «бритые», «крутые», «паханы».
И пустотой похожи друг на друга
Уже седые – глянешь: пацаны.

Король гуляет по проспектам голый,
И лиц не различить из-под личин.
Ах, где вы, людопыты Чехов, Гоголь,
Срыватель масок Салтыков-Щедрин?

Не зря, быть может, столько зуботычин
Держава получает и дрожит,
Когда во власти видим мы привычно:
Нет личностей, а только типажи.



СОН ЯМЩИКА

Рванулись так , что скрылися из виду
Орлы на башнях нового Кремля.
Поют о вознесении копыта –
Их, будто, не касается земля.

Но, но! Пошли, соколики, соколики!
Напьемся мы у Яузы-реки.
Мелькнут рядом Сокольники, Сокольники,
Подтянет нам Стромынка постромки.

Преобразившись на Преображенке,
Махните через горушку времён
Лет через триста – в царство оглашенное,
На ярмарку большую «Черкизон».

Домчали кони-звери не напрасно ли? –
Грядущему дивилися зело:
Сплошной базар, а нет товару красного –
Заморское одно лишь барахло.

И это называется – столица?
Какого государства, чёрт возьми?
И говор, и нерусские всё лица,
И русский дух не бродит меж людьми.

А ну, вертай – на что смотреть здесь боле.
Вернёмся лучше в славные года.
Знать, несмотря на «Куликово поле»,
Какая-то подмяла нас орда.

Ух, понесли – аж взмокли резвых спины.
Приснился что ли этот страшный миг?
Сумеет Русь сберечь свой дух былинный? –
Гадает пробудившийся ямщик.



МОСКВА СОВРЕМЕННАЯ

Не Россия богата – Москва.
Вот соседи-бедняжки и зарятся.
У страны – золотая мошна,
У людей – неприкрытая задница.

Расфуфырилась : мрамор, стекло.
Пиво, гамбургер – всё, как на Западе.
Как ни тужится, а всё равно
У Европы блестящей – на задниках.

Торгашам прибыль застит весь свет,
Незаслуженной роскошью дразнятся.
Производства давно уже нет,
Работяги московские – в заднице.

Дни района, столицы, страны...
Вместо хлеба есть зрелища, праздники.
Валят люди туда, хоть бедны,
Наступая на старые задники.

Уничтожим ракеты. Ура!
Ухмыляется НАТО-проказница.
Только вот не настала б пора,
Чтоб встречать нам врага с голой задницей.



ПАМЯТНИКИ

Не разрушайте капищ древних
И памятников старины:
Коль тронешь их, то, по поверью,
Беды накличешь для страны.

Казалось бы, чугун и бронза,
Холодный мрамор и гранит,
Но каждый памятник потомкам
Весть очень важную хранит.

Но в перестроечном витийстве
Шел разрушения разгул...
С Лубянки уходя, Дзержинский
Глазами грозными сверкнул.

И что потом? Полезла нечисть,
Границ не стало на замке.
Держава опустила плечи,
В чужом зажата кулаке.

Бал правят воры и уроды:
Как настоящие враги
У обнищавшего народа
Все отобрали, что смогли.

Разруха в армии сплошная.
Милиции – считай, что нет.
Рядясь под Запад, Русь родная
Сменила свой менталитет.

Но верю я, что словно феникс,
Воспрянем мы, вернется Феликс.
Рассвет придёт – и вздрогнут воры,
Шаги услышав командора.



ВЫСТРЕЛ

Пальнули черным выстрелом по имени,
Потом еще добавили под дых.
И вздрогнули в гробах своих воинственно
Семь поколений прадедов моих.

Ничем не запятнавши родословную,
Здоровью предпочтя, конечно, честь,
Поступком ли, сомнением ли, словом ли
Мой род не заслужил такую весть.

Перчатку бросить клевете намеренной?
Но он с законом чести не в ладах.
Подлец, слизняк, он – порожденье времени
Великой смуты в душах и делах.

А может, в это время сатанинское
Мне выстрелить, не убоюсь тюрьмы?
Но дух отмщенья не находит истины,
Поскольку наше время – это мы...

СПАСИТЕЛЬ

Вечная борьба добра со злом,
Чёрного и белого контрасты.
Кто для нас построит новый дом,
Скажет человеческое: «Здравствуй!»?
Где родится новый человек –
Тот, кто не за деньги, не для славы
Посвятит отпущенный свой век
Весь благополучию державы?
Чтобы всем зажить иначе впредь.
Господи, друг другу не враги мы.
Где способный жить и умереть
На устах с молитвой или гимном?



СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Вот опять – Новый год под названием Старый.
Не справляют его просвещённые страны.
И обычай наш шумный, для мира хоть странный,
Сохраняем мы свято всю жизнь неустанно.

На Руси оно так: и Генсек и Ярило
Что молитвой, что речью давали нам силу.
Чтобы нынче не впала Россия во тьму,
Подскажи, Новый Год, помолиться кому?

Раз повтор так возможен с названием Старый,
Подкупает соблазн нам принять его чары
И поверить, что сможем с чего-то начать
Соскребать с нашей жизни унынья печать!

ЖЕНЩИНЫ

Не дожидаясь от судьбы подачки,
Махнув на мелких мужиков рукой,
Впряглись вы в будни жизни, как бурлачки,
Иных атлантов заменив собой.

Какое там кокетство, реверансы?
Вы бросились горящий дом спасать.
И мечетесь от кухни до финансов
И до науки мудрой – управлять.

Достойны ваши жертвы восхищенья –
Вы вытяните из трясин страну.
Дай Бог вам поскорее возвращенья
К кокетству, к реверансам, к естеству!



ВОЛШЕБНЫЙ ЖЕСТ

Жест, который заживляет раны,
По утрам, встречаясь на меже,
Дарит мне служительница храма –
Жест прикосновения к душе.

Этот жест – и щедрый и смиренный –
Где-то его видел я уже.
Вызывает вдруг благоговение
Жест прикосновения к душе.

Там, где Богоматерь на иконах,
Ангел, Умиление, Благовест,
У рублёвской живописной школы
Одухотворённый этот жест.

Это, как святое откровенье,
Словно дарят райские цветы, –
На одно волшебное мгновенье
Собранные в горсточку персты.

Будто путь с самим сверяя Богом,
На груди она поправит крест,
Космоса магическое око
Встречным направляет этот жест.

Дай, Господь, годов ей щедрой мерой!
Пусть она свой добрый труд вершит!
Знать, не зря её назвали ВЕРОЙ
За прикосновение души.



ПЕСНЯ О СТАРЫХ ВРЕМЕНАХ

Погрустим о старых временах,
О былом – несбывшемся и чистом,
Об эпохе непреложных истин –
Погрустим о добрых временах,

Погрустим о старых временах
Покаяньем о забытой вере –
Вере в торжество великой Эры,
Мчащейся на красных знаменах,

Погрустим о старых временах,
Подивимся громким переменам,
Крикунам-пророкам непременно –
Всплывшим вдруг на мутных на волнах.

Погрустим о старых временах,
Петушиный свой задор припомнив.
Сколько в сердце нажито оскомин,
Ересей изжито на кострах!

Погрустим о бедных временах.
Был наш мир не слишком матерьялен,
И на том мы накрепко стояли,
Действуя за совесть – не за страх.

Погрустим о старых временах –
Временах, наверно, небесспорных,
Но в своем звучании мажорных,
Отзвучавших в искренних сердцах.

Погрустим о добрых временах.
Дорого нам стала их утрата.
Не сыскать, наверно, виноватых.
Погрустим о старых временах.



ВЗВОЛНОВАННОЕ

Туда, где их звучали лиры,
Где так знакомы имена,
Не с детства ль чтимых мной кумиров,
Которых знает вся страна.

Туда, где их висят портреты,
На стенах – росчерки пера.
Сердцами тёплыми согреты
Их творческие вечера.

Волнуюсь я и сам не верю,
Молясь и прозе и стихам,
Что мне теперь открыты двери
В литературы главный храм.

Туда – сумею ли осилить
Я груз сегодняшнего дня? –
В Союз Писателей России
Сегодня приняли меня!

ХРАМ

Загорелся на заре
Храм крестами на горе,
Будто вдруг восстал из пепла
В золоте и серебре.

Был порушен,
Был поруган –
Восстановлен храм уже,
Сломленный грехов недугом,
Цел ли он еще в душе?



ПЕСНОПЕНИЯ «СИРИНА»

Кто, панцирь отчуждения порушив,
Не испросив, ко мне заходит в душу?
Как из острога, почему, спеша,
Ему навстречу ринулась душа?

Пахнуло степью вольною, польнью,
Пророчеством, ожившею былиной.
Божок мирских забот во мне притих,
Как только зазвучал духовный стих.

Протяжный плач, и ветер в нем, и осень,
И долгий взгляд в глазах слегка раскосых,
В нем и пастуший слышится рожок,
И колокол, молящийся Восток...

Слепой певец, свои познавший корни,
О! Как он зряч в своем труде упорном!
Не лицедейство, а добытый хлеб
Он делит с нами – плод пытливых лет.

В нем душ далеких предков благородство,
И барства нет ничуть, и нет холопства,
Достоинство смиреньем уравнивая,
Дарует нам исконный русский нрав.

От времени рассохшуюся лиру
Душою оживляет дивно «Сирин».
Святой и очищающий восторг
В сердца вселяет нам не сам ли Бог?!



ПТИЦА РАДОСТИ

Радости птица!
Твой глас сладкозвучный –
Радуга ясная, пращуров весть,
Что пролилась сквозь века,
Как сквозь тучи,
Чтобы о детстве народа нам спеть.

В годы безверья, сомнений и бедствий,
«Сирина» голос, нам душу спаси!
Не соблазнясь унижением бегства,
Жить позови и почитать на Руси!

ОЧИЩЕНЬЕ

«Сирин» перелистывает ноты,
Нас ведя в минувшие века.
Предков наших о душе забота
Тоже нам становится близка.

Мир преображают песнопенья –
Он уже нам кажется иным,
Будто чудо чистого прозренья
Истиной даровано слепым.

Исцеленье дарится калекам,
Светится в распевах мудреца
Божья искра в духе человека
И гуманность в промысле Творца.

«Сирин», будто став за нас в ответе,
Промывая нам глаза души,
Жизнь таким вдруг озаряет светом,
Что уже не можетя грешить.



АНДРОННИКОВ МОНАСТЫРЬ

Что за место щедрое такое!
Чтит на протяжении веков
Наше достоянье золотое
И обороняет от врагов.

Путь к Москве с востока ограждая,
На изгибе Яузы-реки
Мощная обитель зарождалась
Трудностям великим вопреки.

Здесь — и прах героев «Куликова»,
И театра русского отца,
Росписи великого Рублёва,
Слава песнопений в честь Творца.

Оба здесь однажды услышали
Творчества неодолимый зов.
Славу здесь духовную стяжали
Два Андрея — Котов и Рублёв!

НА БОБАХ

Мы прошлое не забываем —
В него мы гвозди забиваем
И, злобствуя, изображаем
Пляс на отеческих гробах.

И с будущим не очень дружим,
И о друзьях былых не тужим,
С врагом внезапным вряд ли сдюжим —
Недальновидностью досужей
Остаться можем на бобах.



ИЗЮМИНКА

Изливал провидице прекрасной
Жалобы на сердце я своё.
Как болит оно порой ужасно,
На себе неся моё житьё.

«Что-то ты печалишься так рано –
Молвила ведунья мне в ответ –
Есть на нём следы потерь и раны,
Но пробоин в сердце, точно, нет.

Вот следы от сладких стрел Амура,
Язвочки от злющих языков,
Совести твоей акупунктура,
От измен иных кровавый шов.

Не чурался ты кипучей жизни,
За чужой не прятался спиной,
Горести надломленной Отчизны
Вряд ли обходили стороной.

Твоё сердце, будучи открытым,
И чужую принимало боль.
Хоть бывал за это жизнью битым,
Друга закрывал не раз собой.

Для тебя совсем иные мерки
Приготовил на Земле Господь:
Доброта, участливость и вера
Сохранят надолго твою плоть.»

А в конце, чтоб подсластить пилюлю,
Улыбнулась дива весело:
« В каждом человеке есть изюминка.
А в тебе наверно – пол кило!»



КАПИТАЛ

Эх, за столько-то лет
Нет достойных побед,
Хоть на труд я душой не скупился.
Но приму похвалу –
Не служил всё же злу,
На деньжищи его не купился.

А совали не раз
В разном виде соблазн,
Только чуяло сердце подставу.
И нажить, как итог,
Капитала не смог.
Детям честное имя оставлю.

МАСКИ

Как часто попадаемся на ласку!
Как бабочки, на злой огонь летим
И за игрой не различаем маску.
А может, различать и не хотим?

Нас окружают маски, маски, маски...
Не оттого ли на сердце печаль?
Но разрушать привычную нам сказку
Ей-Богу, почему-то очень жаль.

В минуты откровения мы с другом
Смеялись над фальшивостью толпы.
Смеялись, но порой давали руку
Тому, кого не уважали мы.

Друг в трудный час меня спокойно предал.
Он снял вдруг маску, словно полинял.
Не жаль, что он убил в святое веру,
А жаль мне, что я друга потерял.



НЕВСТРЕЧА

Мы замкнуты от мира, от знакомых:
Ни выслушать, ни всхлипнуть самому.
Привычны повседневности оковам,
Мы не хотим услышать Жизнь саму.

И кто богат, тот более прижимист –
Не то, чтобы горбушку пополам.
Когда на помощь не приходим Жизни,
То и она не помогает нам.

И вроде как, себя узнать боимся
Поглубже, с кем-то сблизившись едва.
И новых встреч упорно сторонимся,
За лживые упрятавшись слова:

Мол, некогда, попозже, извините...
Устами незнакомца, может быть,
О чём-то важном ангел мой хранитель
Хотел в тот раз со мной поговорить?

ЧЕСТЬ

В долинах суеты, в ущельях быта
Мы ползаем за тем, чтоб пить и есть.
И облаками сонными прикрыта
Забывтая вершина – наша Честь.

Каких соблазнов жизнь готовит чащи,
И каждый наш побег – седая прядь,
Но, чтобы дух наш не терялся, чаще
Нам надо ту вершину покорять!



МАССАЖИСТКА

С осанкой королевы,
С достоинством царицы,
С характером железным
И хваткою стальной,
С образованием верхним
Простая массажистка,
С умением от Бога
И тонкою душой.

Как скульптор, лепит формы,
Потёртые годами,
Дробит руками камни
И в мышцах, и в сердцах.
Выслушивает исповеди
Долгими часами.
Как проклятая вкальвует,
Стоя на ногах.

А дома ждут заботы.
И подрастает дочка.
Как будто бы нарочно,
Так дорожает жизнь!
И чаще, чем бы нужно,
Горбатит свехурочно.
А темпы и нагрузки
Такие, что – держись!

А хочется быть слабой
Простою русской бабой,
Но насмотрелась вдоволь
На хлипких мужиков.
И, зажимая раны,
Опять встаёт так рано,
С надеждою на завтра
День начинается вновь.



РЕКА УЧА

Это судьба или случай?
Так и не знаю пока..
Здравствуй, забытая Уча!
Юности давней река.

Где-то тут след от палатки
Должен быть на берегу.
Как целовались мы сладко,
Вряд ли забыть я смогу.

Как мы гуляли над кручей,
Жгли озорной костерок.
Как под гитару над Учей
Песен сплетали венок.

Так нанизались на Учу
Блеском своей красоты
Лаков Федоскинских лучик,
Марфина чудо-мосты.

Круг совершая свой заново,
Нижем открытия вновь:
Райские кущи Степаньково –
Поздняя друга любовь.

Где, суету вдруг отринув,
Рыцарь, оставив свой меч,
Смог, как художник, на диво
Сердца красоты извлечь.

Чувства в прекрасные формы
Силой души и ума
Он превратил так задорно,
Ставя в каре терема.



И вспоминать у камина,
Став умудрённым седым,
Сказы о жизни былинной
Будет он внукам своим.

Но улыбнётся, как в детстве,
Пряча заботы в очах,
Роза на клумбах и в сердце,
В рыцарских славных делах.

ТАЛАНТАМ ОТ ПОКЛОННИКОВ

Все суетятся и спешат
В эпоху электроники.
Но как очнётся вдруг душа,
Таланта став поклонником.

Перекрывая быта шум,
Заветное затронете.
Опять добра и зла между
Даёт Талант поклонникам.

С Талантом ожидая встреч.
Сердечко вновь истонется.
Миг каждый в памяти сберечь –
Награда для поклонника.

Таланта чистая звезда,
Сияй на небосклоне нам.
Свети, ПОКРОВКА, как всегда
Счастливейшим поклонникам!



ПРОПАВШИЕ ДРУЗЬЯ

Мне судьбы их давно уж не известны
Из жизни неприкаянной моей
Пропавших в суете, пропавших без вести,
Но в памяти таких живых, друзей.

Ах, где ж вы, мои друзья и подружки?
С кем ссоритесь и дружите вы с кем?
Какие разметали нас недуги,
Что без вести пропали вы совсем?

Один ушёл в науку, словно сгинул.
Другой подался от долгов в бега.
Иной, быть может, бранный мир покинул,
А кто-то, предав, скрылся от стыда.

Наверное услышать им обидно,
Когда порой соседи говорят,
Мол, что-то Вас давно уже не видно:
Лет десять-двадцать, сорок-пятьдесят...

И сердцем чуя тайные их весточки,
Что настаёт предвечности пора,
Я шарю телефонные окрестности,
Но, видимо, сменились номера.

И мучаясь, себе бросаю резкости,
Как шанс свой упустивший ротозей.
А, может, это я – пропавший без вести,
Пропавший для своих былых друзей?



ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Время нас гонит.
Ах, время спешит!
Не успеваешь – ударит.
Сам – рудокоп для запасов души
Друг мой по имени Ларик.

Некогда в быт свой вложить страстный пыл –
В домик у Ленинских горок:
Он на Каширке вчера только был,
Нынче – уже на Печоре.

Знают его поговорку друзья:
Будни не могут быть праздны,
Жизнь пролетает, ребята, нельзя
Спать в пенсионном маразме!

Благо, всегда с понимаем жена –
Жизни его половина.
Мучает казнь житейской вина:
Мало так видится с сыном.

И в суете такой не зачерствеет –
Божьею искрой одарен.
Стойко несёт, словно крест, круговерть
Друг мой по имени Ларик.

Близким друзьям в его краткий приезд
Рядом с ним можно согреться.
Нимбом над ним загорается свет
Всполохов ярких Плесеца!



ПОМИНАЛЬНАЯ

Оставив заботы земные и битвы,
Ушли вы, не взяв суеты никакой.
Читаем, о Вас вспоминая, молитву
За ваш неземной, уже вечный покой.

Сидим, вспоминаем, как будто вы – рядом,
Как будто смеялись вы с нами вчера.
И ищем ушедших потерянным взглядом.
Ах, где посиделок былых вечера!

Бабули и дедушки, папы и мамы.
Сестрицы и тётушки, братья, дядя...
За этим столом собиралась немало
Такая большая когда-то родня.

Вас помнит и вырытый вместе колодец.
И помнит заросший заброшенный сад.
Часы – ваш подарок – по-прежнему ходят.
С портретов глаза нам грешить не велят.

В поделках, в уюте, в доме, в огороде
Трудов ваших добрых встречаем следы.
Черты так знакомые люди находят
Во внуках, которых не видели вы.
Молитва звучит поминальною песней –
Привет наш душевный на небо вам шлём.
При жизни в бараках вам было так тесно –
Надеюсь, не тесно вам в сердце моём!

ДЕРЕВНЯ ЧЕМБИЛЕЙ

Как увидеть хочу Чембилей!
Встречи тёплые стали так редки.
Где просторы холмистых полей,
Наша малая Родина предков?



В своих мыслях к тебе, Чембилей,
Я всё еду – никак не доеду...
Повидать стройный ряд тополей,
Что когда-то посажены дедом.

Ты, конечно, не тот, Чембилей,
Что встречал москвичей так радушно:
Нет давно моих детских друзей,
Нет ни кузницы той, ни конюшни.

Поредела большая родня.
Раскидала какая нас сила?
Вряд ли есть, кому встретить меня:
Кто – в других городах, кто – в могилах...

Говорят, что домов много строится –
Я деревню узнал бы навряд.
Лишь два озера, что за околицей,
Как два глаза, мне в память глядят.

РОДОВОЕ ДРЕВО

Сам – татарин, русский – сын,
Внук рождён в Австралии.
Будет правнук гражданин
Марса? И так далее..

Для кого-то, может, странно –
Отзывались – ночь-полночь –
Люди: «Сын ты Сулеймана?
Чем – скажи – тебе помочь?»

Языком общенья даром
Обладал он. А теперь
И при имени Хайдара
Отворяют люди дверь.



Сын трудом за морем дальним –
Уважения причал.
Ещё в детстве «помогальник»
Сам себя он называл.

Внук! Как все тебя встречают!
Как внимательны врачи!
В жизни всё ведь не случайно –
Тот язык и ты учи.

Посмотри на наше древо –
Сколько славных там имён!
Там татарская деревня
Незапамятных времён.

Их уроки не забыты –
До сих пор добро творят.
И встречаются в молитве
Их «салям» и наш «рахмят».

Можешь ими ты гордиться:
Дед и пра, и пра-прадед
Жили так, чтоб не стыдиться
Мог ты через сотню лет.

Чтоб от сердца, не жалея,
Предлагали кров и хлеб
Сыну славному Андрея
Со словами: «May I help?»

Чтоб с готовностью forever
Внуки и твои могли
Словом отвечать и делом
На: «To be or not to be?»



БАЛЛАДА О СОЛИ

Когда за штормом на душе несладко,
Для обращения к совести пароль –
Мы повторяем вечную загадку:
В чем соль?!
В чем соль?!

Быть может, в том, чтоб после всех скитаний
Встречала нас на пристани Ассоль,
А может, в том, чтоб горе прятать тайно,
Но, как свою, понять чужую боль.

Когда нет соли, это очень худо,
Но незаметно, если она есть.
С товарищем ее не меньше пуда
Для дружбы настоящей надо съесть.

Соль – не вопрос, но очень неуютно
На троне себя чувствует король,
Когда народ, поднявшийся до бунта,
В прямом и переносном – ищет соль.

Быть к мере соли в нашей жизни чутким
Учили человечество века:
И чаще соли нет в соленой шутке,
Соленая слеза у встреч сладка.

Порою даже вопреки желаньям
Мы не свою играем в жизни роль.
А как нам быть,
Кем стать в своих исканьях?
И в чем,
И где,
Какая она – соль?



ПЕСНЯ ОБ «АННУШКЕ»

Знакомый сквер до боли –
Мы здесь бежали к школе.
Куда же убежали те года?
И на виду прохожих
Висели на подножке,
Рискуя головою иногда.

Трамвай весёлый Аннушка,
Ты в памяти останешься,
Как из окошка детское лицо.
И отражаясь в лужицах,
Самозабвенно кружится
Любимое бульварное кольцо.

На первые свиданья
Казалось бы недавно
Срывались с лекций бешеной весной.
В трясущемся вагоне,
Держа нас за ладони,
Стремился к свадьбе путь наш кольцевой.

Трамвай весёлый Аннушка,
Ты в памяти останешься,
Как свежий ветер юности в лицо.
И отражаясь в лужицах,
Самозабвенно кружится
Любимое бульварное кольцо.

В года сложились будни.
Нет рельсов тех на Трубной,
На Пушкинской, Арбате и Тверской.
Лишь на Прудах на Чистых
Звенит и серебрится
Их путь, созвучный с нашей сединой.



Трамвай весёлый Аннушка,
Ты в памяти останешься –
Москвы ушедшей доброе лицо.
И отражаясь в лужицах,
Самозабвенно кружится
Любимое бульварное кольцо.

АНГЕЛЫ В БЕЛОМ

Вскрикнет душа в покачнувшемся теле,
И небеса протрубят про уют...
Ангелы в белом,
Ангелы в белом
Нам раньше срока уйти не дают.

В битву вступают – обычное дело,
В битву за жизнь, не смыкая очей,
Ангелы в белом,
Ангелы в белом
На должностях медсестер и врачей.

Дома такие же ждут их проблемы,
Кто-то – счастливчик, а кто – одиночек,
Ангелы в белом,
Ангелы в белом,
Только вот людям о том невдомёк.

Так же случаются разные беды,
Сердце у них, как у смертных кричит.
Ангелов в белом,
Ангелов в белом
Кто в этих случаях должен лечить?



РОК

В крошечной тьме родился грохот –
Землетрясение или вулкан?
Пугающий подземный рокот,
Сосущий кровь из старых ран.

Вослед – удар артподготовки,
Сметающий живое в прах.
Бушует пламя преисподней,
Рождая в сердце боль и страх.

Вдруг белой дымовой завесой
Большое облако всплыло,
И голоса, и воют бесы
Надрывно, издеваясь, зло.

Затем, обдав нахальным светом,
Лучом ударив по глазам,
Как существа иной планеты,
Разыгрывают свой бедлам.

Среди колонок, как надгробий,
В припадках судорог, в поту,
Вампиры, жаждущие крови,
Изображают бал в аду.

Наставив грифы, угрожают,
Как «шмайсером» от живота,
Гитары шеи удушают
И рвут их медные уста.

Кто понесёт культуры знамя?
Какой всем нам извлечь урок?
Наверно, рок навис над нами,
Навис такой тяжелый рок...



ЛИЦА

Бывает такое! Ну, надо ж такому присниться:
Встречают улыбки меня и веселые лица.
Десятки приветствий и разных благих пожеланий,
Как будто бы мне они чем-то весьма благодарны.

Что надо им всем? Не подкупа ль это попытка?
Уж столько тепла и вниманья – Да это же пытка!
«Подвох ли какой?» - размышляю, душою набычась,
А сам улыбаюсь, блюдя этот странный обычай.

Я день изо дня их намеренья вызнать пытаюсь,
И сам незаметно – не только в ответ- улыбаюсь.
Улыбка – пожалуй – души отраженье народа.
Не в этом ли смысл гениальной улыбки Джоконды?

Державный народ – и сами мы шиты не лыком,
И всё у нас есть, кроме доброй счастливой улыбки.
Кого обругать – так это мы быстро и пылко,
А так – всё: насмешка и ржачка, усмешка, ухмылка...

Ну, разве встречаются рядом с улыбкою лица
Гаишника, дворника, вора, судьи, продавщицы?
А сами, замотаны сменами, играми власти,
Хотя бы друзьям улыбаемся ль часто?

Я слышу: «Привет» и «Хэллоу»,
«Гутен морген», «Бонджорно»
С утра и до вечера вместо ругательств заборных.
И, как оказалось, что это как раз и не снится,
Что это обычная явь ...за границей.



МИЛЛЕНИУМ

Новое тысячелетье, здравствуй!
Мы как гости у твоих дверей.
Рознь ты нам готовишь или братство
Утомлённых войнами людей?

К прошлому не мысля возвращенья,
Даже и в зениты тех времён,
Я прошу у этих дней прощенья,
Благодарный тем годам поклон.

Многое свершилось там впервые:
Космос, атом, лазер, ЭВМ..
Крах колоний, войны мировые,
Тысячи страданий и проблем.

Входишь в мир, в своих имея генах
Столько зёрен и добра, и зла...
Дай же, Бог, чтоб в новых поколениях
Жизнь не сорняками проросла!

ВРЕМЕНА

Нет, не текут, а прыгают,
Наверно, времена.
Воспитанному книгами,
Мне жизнь порой странна.
Не разложить по полочкам:
Вот зло, а вот добро.
Порой больней иголочка,
Чем финка под ребро.
Душа еще топорщится
Прическою юнца.
Но стресс! И сердце корчится
В предчувствии конца.



И должники вчерашние
Опять занять не прочь.
Крик: «Помоги!» – всё чаще,
И реже: «Чем помочь?»

ПЕСНЯ О «ПОКРОВКЕ»

Между шумливым Садовым –
Тихим Бульварным кольцом
Светит Театр на Покровке
Искренним добрым лицом.

Здесь забывается время,
Время стремительных дел:
Будто бы месяц в деревне
За два часа пролетел.

Будней ненужные битвы
Стихнут за пять вечеров.
Пьесы – и пост, и молитва –
Душу очистят и кровь.

Снова мы свяжемся узами,
Что растеряли вчера.
Может, уроки нам музыки
Станут уроком добра.

В день знаменитой Победы
С нами пойдёт на парад
Старый знакомый наш – бедный
И повзрослевший Марат.

«Аннушкина» остановка –
Сбросим полсотни годов.
Дарит нам снова «Покровка»
Слёзы, и смех, и любовь!



ВЕНОК ЛЮБЭВНЫХ ПЕСЕН

В людях песнями доброе сеет,
Как от бурь повседневности щит.
Над Россией, любимой Рассеей
С хрипотцой его голос звучит.

Из-под век, от бессонниц набрякших,
Светит в зал его сердца огонь.
Как, когда-то в военной землянке,
Задушевно вдруг вступит гармонь.

Достаёт из заветной шкатулки
Песню-праздник и песню-салют
О московских дворах, переулках,
Про забытый старинный уют.

Подпевают партер и галёрка,
Посылая ответный свой пыл
Парню во фронтовой гимнастёрке,
Что Батяня-комбат подарил.

На него стать похожим мечтают
Все ребята у нас во дворе.
И за ним устремляются стаей
По высокой-высокой траве.

Нашей Родине верен он грустной,
Продолжая свой песенный сказ
От столицы и до захолустья
Про Сибирь, про Арбат и Кавказ...



ЧЕЛОВЕК

Рядом с вами человек.
Вы его не замечали –
В дни расстройств и в дни печали
Он слезу стирал вам с век.
Рядом с вами был чужак.
Слово доброе нёс людям,
Не считая это трудным,
Делал это просто так.
Ну и что же из того –
Он не дал вам капитала,
Но чего-то всё ж не стало,
Как не стало здесь его...

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Обживаем пространство и время...
Только, нынче они – не сродни.
И всё чаще мы – как-то не в теме
И идём на чужие огни.

Мчимся ввысь, но – глядишь – не назад ли?
И с валютою падаем вниз.
Наступая на прежние грабли,
Мы чужую наследуем жизнь.

Под угрозой землетрясения
Люди враз покидают свой дом.
Да куда ж нам бежать за спасеньем –
Мы тут тысячелетье живём.

Не глупы, всю беду понимаем
И не миримся с нею душой.
Ах, страна ты моя горевая,
Словно в сказке дурашка меньшей.



ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Что за праздник?
Что за праздник?
Звон колоколов!
Будто зазвучали сразу
Тыща голосов.

Медь большого прогремела,
Малых серебро.
И душа сам запела.
Светится нутро.

Что же хочет, интересно,
Тысячами лет
Передать нам глас небесный:
Зов, укор, привет?

Головы поднялись кверху.
Воспарился дух.
С любопытством или верой
В храм святой идут?

Разливается по венам
Жизненный покой:
Хорошо хоть на мгновенье
Стать самим собой.

Голосит на нотах разных
Колокольный вал.
Что за праздник?
Что за праздник?
Божий день настал!



СОН О ЦАРИЦЫНЕ

Под Москвою, на Крымской дороге,
У студеной зимы на пороге,
У царицынских светлых прудов,
Заглядевшись на рук своих дело,
Как Алёнушка, осень присела,
Задремала, устав от трудов.

Что ей, ясной красавице, снится?
Недостроенный замок царицын,
Словно радуга, выгнутый мост..
Может, парк с итальянской картины,
Живописных беседок руины,
Чудо - башенки, ставшие в рост?

Пред Василием, молча, Блаженным
Долго стаивал зодчий Баженов,
Сердцем силясь постичь красоту.
Так и вынул бы, кажется, душу,
Восхищаясь иною церквушкой,
Удивляясь иному мосту.

Он с какою-то огненной страстью
Здесь, в Царицыне, складывал сказку,
Воплощал вдохновенно мечту.
Заиграли кремлёвские краски:
Белых кружев узоры на красном,
Согревающих взор за версту.

Как горька до мороза рябина,
Словно зодчего горе-обида..
Не его, не его то вина,
Что и в оперном доме, и в зале,
Где ни разу и не танцевали,
Надмогильно растет бузина.



Осень цветом дворца красит клёны –
Стоит раз увидеть – и влюблён ты.
Отчего же непрошенность слёз?
Перед этой мечтою разбитой
И свои вспоминаешь обиды
И про то, что рвалось, не сбылось.

Спросишь сердце, с собою короче:
«А каков ты, судьбы своей зодчий,
Начинаний своих господин?»
В чем-то, может быть, жил наизнанку,
Часто строил воздушные замки,
От которых нет даже руин.

У прудов над туманною дымкой
Просыпается осень с улыбкой.
Век ли, два ли спала? Наяву
Стиль художника, вскормленный Русью,
Переняло потомков искусство –
Значит, зодчего сказки живут!

Не кремлёвская ль башня и залы
В наши дни поднялись над вокзалом:
Белый с красным сплелися хитро.
Этот стиль на Руси знаменитый –
От палаты царя грановитой –
Оживает сегодня в метро.

Как на праздник, украсив столицу,
Покидает нас осень-царица,
Обещая свидания вновь.
Над прудами стоит на пригорке
Дивный памятник – страстная, горькая,
Не умершая в сердце любовь.



ЗОДЧЕСТВО

Это жизнь все только сносит –
Осень зодчества полна:
Строит осень, строит осень
Золотые терема.

Башни сосен островерхи,
Кровли золотом – листва.
Это – царская утеха,
Чтобы ахала молва.

Глубь небесного колодца
Пьют туманов миражи.
И играют в бликах солнца
Луж подмёрзжих витражи.

Валит ветер лес зазябший,
Подмывает корни дождь...
Но нельзя же, но нельзя же
Говорить: «Всё в прошлом – ложь...»

Были мы бедны когда-то –
Нет светлее этих лет.
На поминках стол богатый,
Только радости-то нет.

Догорает кромка леса,
Задымясь сухой листвой,
Как последняя завеса
Между летом и зимой.

Между радостью и грустью,
Равнодушьем и теплом.
Смуту вносит в наши чувства
Каждый новый перелом.



Так контрастны с поджиганьем
Мирной осени огни...
Рушит разочарованье
Веру в будущие дни.

ОСЕННЕЕ

Это время меня тайно поджидает.
Нет красивей этой ласковой поры:
Поджигает осень, снова разжигает
Свои первые кленовые костры.

Те костры покуда призрачны и робки –
Не поджечь ещё совсем зелёный лес.
Небо смотрит голубым огромным оком
На природу эту полную чудес.

Золотятся на берёзках, как монисто,
Пряди первые осенней седины.
От листвы дымящей воздух пряно-мглистый
Навевает об ушедшем лете сны.

Где Вы, годы, что остались безвозвратно
В прошлых осенях и летах и летах,
Где неправым я бывал и виноватым,
Чтобы к старости остаться на бобах.

Что там было нам во благо, что – напрасно?
Что там – с толком, что – без пользы, Бог, суди.
Только – нет фиесты осени прекрасней,
Хоть потом зальют нас слёзы и дожди.



ОСЕНИ МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Плавал я в бурных житейских морях,
Было, тонул в её водах.
Всё испытал: и надежду, и страх,
Мучаясь в поисках брода.

Резво промчался судьбы моей конь –
Только почувствовал сушу.
Крылья не раз опалял мне огонь,
Но я сберёг свою душу.

В память о прошлом огне, как салют,
Листьев горящая лава.
Ветры осенние мне пропоют
Многие лета и славу.

Песнь восхищенья шептали не раз
С нежностью женские губы.
Я откликался на ваш только глас,
Осени медные трубы.

Воды-огни свой оставили след
Нитью серебряной в чубе.
Чище звучания вашего нет,
Осени медные трубы.

В путь свой последний с собою возьму –
Так уж вы дороги-любвы,
Слышимые только мне одному,
Осени медные трубы.



ОСЕННИЙ ХРАМ

Готовя все живое к летаргии,
Звучит дождей протяжных литургия.
И сбрасывая мелочности хлам,
Молясь стихом, вхожу в осенний храм.

Накопленные в дрязгах будней стрессы
Палитры звучной утишает месса.
К природе с карой городских седин
Я возвращаюсь, словно блудный сын.

Мозаика листвы слагает фрески,
На миг запечатляя арабески
То нежным ренуаровским письмом,
То плоти яркой Рубенса теплом.

Пожухший лист свернулся, как папирус,
В прожилках – миф о сотвореньи мира.
Напоминают благодатные дни
Счастливый рай, потерянный людьми.

А листьев лава – в красочном безумьи,
Как будто извергал их сам Везувий.
Под взвизги ветра шальные не прочь
Разыгрывать Вальпургиеву ночь.

Златоволоса, совершенства мера –
Берёза – белотелая Венера.
Мадонны три являют ясность лбов:
Надежда, Вера, чистая Любовь.

Скорбя и плача, косы распустила,
Склонилась ива, словно Магдалина.
Степенно шелестение дубов,
Как поклоненье Осени волхвов.



Являет осень жертвенность Марии,
Себя сжигая, с красотой нас мирит.
Стволы злачёных сосен чинно в ряд
Окладами апостолов горят.

С кровавой меткой листьев на запястьях,
В изломе, клён - ещё живой в распятии.
Над срезом пня, румянец свой не скрыв,
Стоит осина – юная Юдифь.

Царицей Савской – в золоте с рубином –
Гордыню не смирившая рябина.
И золушкой средь буйства красок ель,
Ей феей будет доброю метель.

Набухли почки, в оттепель поверив,
И шепчутся – что тайная вечеря.
Но серебром иудиным мороз
К утру застудит искренность их слёз,

Наивность, доброту и нежность сердца,
Подобно избиению младенцев.
Не ханжество ли после вопрошать:
Что молодость перестаёт дерзать?

Добро взойдёт, но слабо утешенье
Возможного порывов воскрешенья,
Когда за смелость с паперти корит
Душителю, что под ликом святца скрыт.

И листья оборвёт зима, как жизни,
И вьюгой дикой отыграет тризну.
Ну, а пока затишье, нега, лень.
Как будто не придёт последний день.



Живое завершается круженье...
Прощанье и прощение. Успенье.
И вот уже дымы,
И листья жгут,
Как будто бы последний страшный суд

За то, что в жизни много боялся,
За то, что не во всём я состоялся,
За то, что часто золотые дни
Менял я на бумажные рубли.

Весной рождаются новые миры,
Других волхвов другим Богам дары.
Природа чертит круг неутомимо,
Но что-то для меня неповторимо.

ДНИ ОСЕННИЕ

Дни осенние – дети солнышка –
Улетают, озябнув, на юг.
Дни осенние – дети дождичка –
Нам протяжные песни поют.

Нам поют о минувшем, несбывшемся,
Про возможный пропущенный миг.
Мы толкаем друг друга и пыжимся:
Всё приехали, братцы, – тупик.

Масть червонную осень не прячет:
Козырь есть, если карты не врут.
Разругавшись вконец с зимней спячкой,
Попытаюсь на новый я круг.



ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ!

Здравствуй, осень, ты снова и снова
Возвращаешь мне праздники детства,
Ограждая от резкого слова
И, хотя б ненадолго, от бедствий.

Вспыхнешь к встрече румянцем рябины
И не скажешь, что не был я долго.
Так, наверное, блудного сына
Без упрека бы приняли дома.

Только жизнь нас заботами точит,
В сердце копятся боль и обиды.
И дрожат на березе листочки,
Как реснички уставшей любимой.

Бытия суетного непрочность
Ощущаю, однажды прозрев я,
Что давно мы уже лишь листочки,
Оторвавшиеся от деревьев.

Пошумим, пошуршим и истлеем
Иль сгорим судьбоносною кучей...
Осень мажет глаза мне елеем,
Допуская к божественной ручке.



БЕРЁЗКА

По осеннему лесу иду.
Словно краски, смешались чувства.
Отразилась берёзка в пруду.
Отчего-то сегодня ей грустно.

Время так незаметно течёт –
В суете не уловишь движенья.
И берёзке который уж год
Не по нраву её отраженье.

Не узнать тех распущенных кос.
На коре, словно раны, морщины.
Что за ветер? Когда он унёс
Светлый образ с улыбкой невинной?
И влюблялась не раз и не два,
И любима была окруженьем.
Что ж в воде так седа голова?
Взгляды юные тоже – всё мимо...

А в душе-то ещё молода.
В мыслях нет заскорузлой коросты.
Только в зеркале стылом пруда
На свои не похожа отростки.



ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ты снова пришла,
Забросив дела.
И ясно, что нет тебя краше.
И сон твой зелёный огнём опалён.
Но где ж ты, скажи, была раньше?

Проносится время, бесцельно течёт.
Но вдруг мы становимся старше.
И кажется, вот они: слава, почёт...
Ах, если бы чуточку раньше!

Живёшь, от себя же до времени скрыв
Приятельств иных фальшь на фальши.
И всё же однажды вскрываешь нарыв,
Но лучше бы всё-таки раньше.

Вся жизнь – как полёт. Но не дан парашют.
И миг приземления страшен.
Прощенья за все я грехи попрошу,
Но надо бы, видимо, раньше.

И осенью дивною дум хоровод
Уносит нас выше и дальше.
А что впереди – не зима ли нас ждёт?
Зачем же пришла она раньше?

Но Ангел спустился и строго спросил:
Что можешь ты в жизни итожить?
Ах, дали б мне время и чуточку сил,
Чтоб мог я ответить попозже!



ШЕСТИДЕСЯТАЯ ОСЕНЬ

Который день подряд
Роскошный свой наряд
Меняешь, находясь в огне эмоций.
Наивна и щедра,
Ты под ноги ветрам
И золото швыряешь, и червонцы.

Чтоб праздник свой продлить
И мир весь удивить.
Со временем ли хочешь побороться?
И золотой запас
Весь прокутить за раз,
Пока зимы не звякнут колокольца.

Мне взгляд со слёзкой люб
И влажность твоих губ,
Безумство разноцветного круженья.
И мысли на лету
Тревожные гнетут:
А встречаю суждено ли продолженье?

Давно не молодой
И по годам седой –
Какие могут быть тут комплименты?
С тобой уж не летать,
Но годы вспять опять
Пронесаются в мгновенье кинолентой...



ОСЕННИЙ СВЕТ

Звоночки слились в непрерывный сладкий звон
Со всех сторон –
Театр осени открыл нам свой сезон –
Зал освещён.
Приход твой каждый, как из детства мне привет,
Забывтый след,
И в моё сердце, как в окно, осенний свет,
Осенний свет.
Хоть не спасенье, но забвение от бед –
Осенний свет.
На все вопросы лета даст простой ответ
Осенний свет,
С тобой мы дружим не натужно столько лет,
Осенний свет.
И в наших чувствах без вражды и «да», и «нет»,
И «да», и «нет».
Тебя все видят, но с тобой мы тет-а-тет,
Осенний свет.
Холодным светом всё равно я был согрет,
Осенний свет.
Не вечны мы – на небеса нас ждёт билет,
Задержки нет.
Я улечу, и ты сверкнёшь слезой вослед,
Осенний свет,
Осенний свет.



ОСЕННИЕ ЗАПИСКИ

Вот лес опустел. Стало холодно в мире,
Как будто бы осень ушла из квартиры,
Где был обжитой и красивый уют.
Ещё на кустах довядают букеты
На зависть иным умудрённым эстетам,
Но птицы ей гимны уже не поют.

Печаль навевает по лесу прогулка,
Когда одиноко, пустынно и гулко –
Не весел всегда вдруг покинутый дом.
И в пятнах стволы, как обоев обрывки,
Раскиданы листья – записок отрывки,
Листва под ногами – потёртым ковром.

За щёки щипая уже не на шутку,
Пруда постояльцам, отчаянным уткам.
Морозец из брызг налепил леденцов.
Вверх дном перевёрнуты летние лодки,
В сезон навигации этой короткой
Заветных достичь не смогли берегов.

Скрипят на ветру – не летают – качели.
Не кружатся в танце зверей карусели –
И осень, и парк свой закрыли сезон.
Как пылью покрыло всё снежной порошей –
Пора надевать нам на обувь галоши,
А может, и на сердце – тоже резон.



ОСЕННИЙ ВЗГЛЯД

Швыряет ветер пригоршнями ярко
Раскрашенные осени подарки.
Матрёшки так расписывали жарко
Художники федоскинской поры.

Какие здесь, скажи, трудились кисти?
Расписаны не радугой ли листья?
Не листья, а почти живые лица,
С характерами целые миры.

День изо дня – всё разные наряды:
Цыгански роскошь, нагота наяды.
И дни проходят, будто бы пляды,
В последних танцах огненной поры.

Стихает живописная утеха.
Редуют кроны, и текут в прорехи,
Часов природных отбивая вежи,
Небес остывших синие дары.

Покинув мир, я след живой оставлю,
А след мой в том, что я тебя прославлю,
Что памятники я в сердцах поставлю, –
Вот, все тебе, моя любовь, дары!



РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Утро забросило солнечный невод,
Цветом украсив малиновым небо,
Пращура имя шепча под улов.
На удивление веси и меря
Лебедем белым над озером Неро
Встал-народился былинный Ростов.

Грудь украшая узорочьем дивным,
В озере ликом любуюсь красивым.
Звонком играючи колоколов,
Правя по Мудрому и Долгоруко,
Стал господин на большую округу
Молод, во славе и златоголов.

Всякая граду досталася доля:
Годы взлетали, как коршун, как голубь.
То торговал, то ходил на врагов.
Меч и огонь, и предсмертные крики –
Всё испытав только, стал он Великим –
Данник, и ратник, и пахарь Ростов.

Жаркие схватки не надолго стыли...
Мирные дни – словно райские были:
Слава князьям! И крестьянам хвала!
Пахарь с землею сдружились крепко:
Лук выросстал большеглавый и репка –
Что золотые церквей купола.

Сколько веков унесло свои стоны...
Смолкли всемирно известные звоны –
Мало, кто слышал из нынешних их.
Город живет, обедняясь не по праву,
Как подаяньем, минувшею славой.
Дремлет Ростов, незаносчив и тих.



ПОКРОВ НА НЕРЛИ

Нежданно вдруг покрыло землю снегом,
В покрове этом холодок и нега.
Осенняя горит на нем листва
Погибшей фреской храма Покрова.

Храм Покрова на взгорке – словно птица,
Отставшая от стаи голубица.
Отставшая почти на тыщу лет,
Чтоб предков донести до нас привет.

Вослед векам вытягивает шею
Застывшая в разлуке ворожея,
Задумчивая чистая княжна,
Как сахар, белолица и нежна.

Меж облаков летит в воображеньи,
Своё в пруду увидев отраженье.
Лучи перебирая, старый вяз
Седых веков ведет неспешный сказ.

Кто зодчий твой?
И как в твоём обличьи
Он совместил и скромность, и величье,
И радость удивления, и грусть,
И всю, как есть, за все столетья Русь?

Грешков, себе прощённых, осужденье,
Грехов, томящих мукой, отпущенье.
И, утверждая равным меж людьми,
Моим противоречьям дарит мир,

Душе дает для осмысленья пищу.
Уходишь со свиданья сердцем чище.
И благодарно вырвутся слова:
«Спасибо тебе, чудо Покрова!»



ПЕСНЯ О ПЕНЗЕ

Весь на холмах да на полянах
Над Пензой-речкой, над Сурой,
Наполовину деревянный
С резьбы затейливой игрой.

Порой «вчера» и «завтра» рядом:
Над роем удивлённых изб
Взлетает круто эстакада
Дорогой в будущую жизнь.

Край искони провинциальный,
Убогий в прошлом и глухой,
Сынов Отчизне гениальных
Дал, правя дедовой сохой.

Себя не чувствуя сироткой
В семье российских городов,
За труд испытывает гордость
Сегодня город мастеров.

Живая древняя игрушка
Хранит умельцев имена –
Связуют ходики с кукушкой
Минут цепочкой времена.

Татарин, русский, мокша, эрзя –
Веками дружащий народ.
Российской ласточкою Пенза
Гнездо людское сердцем вьёт.



ДОРОГА

Какое блаженство – дорога –
От злой суеты отдохнуть.
За шквалом вокзальных порогов
Покоем нам кажется путь.

Горят горожане безвинно
В налаженном ими аду.
И схема метро паутиной
Поймать норовит на ходу.

В тревоге от вечного гуда
Живёт человек на лету.
Крадут городские «бермуды»
Сердечность, покой, доброту.

Круженье подобно крушенью,
И качкой морской – этажи.
Не броуновским ли движеньем
Расчерчена вся наша жизнь?

Нет всеочищающей мессы,
И некому выслушать боль.
Ансамбли, как нервные стрессы,
С невидимым чудищем бой.

За корочку, за Христа ради
Брел с песней когда-то слепой –
Теперь за душевностью надо б
Милльонам – по свету с сумой.

Какое блаженство – дороги,
Как красные строки в судьбе,
Прошепчут, прогикают: «Трогай!»
В дорогу, в дорогу к себе!



КУДА ТЫ МЧИШЬСЯ, РУСЬ-ШЕСТЁРКА?

Брела ты покорно под княжеской дланью
И гнулась рабой под ордынскую данью,
А шляхов на трон чуть не возвела .
Неся на себе крепостную обузу,
Ты, лишь изгоняя, быть может, французов,
Впервые свой голос и дух обрела.

Не сбылась на близкую волю надежда –
Впряглась ты в ярмо своё злое, как прежде.
Воспрявшая было, пригнулась душа.
Отдельные были, конечно же, встряски,
Когда выступала ты пушечным мясом,
Европе на помощь, за смертью спеша.

И снова тебя – нелюбимое чадо –
Под царское бремя, в извечное тягло,
Чтоб мысль не светила в кромешной нужде.
Кнутом укрощая характер упрямый,
Под праздник суля примиряющий пряник,
Бунты подавляя, держали в узде.

Потом, говорят, мол, страдала под Партией
Без должной свободы и демократии,
А всё ж из конька-дурачка-горбунка
Ты стала и сильной, и светлой, и грозной –
Пегасом крылатым и тяжеловозом
И взлётом космического рысака.

Быть может тебя подстегнула гордыня,
Раз лжедемократам подставила спину
И, бешено вдруг закусив удила,
Взбрыкнула и, дом свой копытя нещадно,
Инстинктам отдавшись площадным и стадным,
Не чуя хозяйской руки, понесла...



Под кем же ты ходишь, понурая, нынче,
Облезлая, хромая, взглядом набычась.
Масон ли седок иль агент США?
Братва ли тебя исподволь погоняет?
Но всё тяжелее во мгле ковыляешь,
По краешку пропасти путь свой верша.

ДАЧНОЙ МУЗЕ

Что-то, Муза, ты пропала –
Ни стиха и ни строки
Ты давно не нашептала
В эти летние деньки.

День-деньской гнетут заботы:
Стройка, быт и огород.
Над стихами вечно что-то
Поработать не даёт.

От рассвета до заката –
Непрерывные дела.
Тайно жду, чтоб ты когда-то
Вдохновенье принесла.

Но пока копил я силы
Для рифмованной строки,
Муза грузди засолила
И заштопала носки.



КЕНИГСБЕРГ

На краю многолюдной галактики,
У янтарного берега Балтики,
О, Майн Гот, ты однажды отверг
За какие грехи Кенигсберг?

Цветником становясь иль казармою
На путях вожделенья и варваров,
Перепахан огнями времён
Величавый в былом бастион.

Словно судеб людских отпечатки,
В серых оспинах улиц брусчатка.
И уже никуда не ведёт
Штрассе из Бранденбургских ворот.

И слепые глазницы мансарды,
Повидавшие в прошлом парады,
Вдаль бросают обутленный взгляд
На потерянный рай – фатерлянд.

Клёны свесились, словно штандарты,
Над могилой Великого Канта.
Руку-шпиль, вопрошая, простёр
К небу скорбно калека-собор.

Волны пенятся в танце игриво,
Словно в кружке баварское пиво,
И на берег бросаясь, шурша,
Старых маршей печатают шаг.

Лжи и правды обросший коростой
Кенигсберг, как затерянный остров,
Перед волею Божьей затих.
Мир могилам... и тех, и других!



ГЖЕЛЬ

Как во снежном поле
Синяя метель,
Живописца доля
Сдержанная Гжель

На белом раздолье –
Голубая ель.
Есть ли краше боле,
Чем святая Гжель!

Как на белом солнце
Синяя капель,
Весело смеется
На фарфоре Гжель.

К сердцу всего мира
Отыскала дверь
Живописцев лира –
Голубая Гжель!

РАЙСКИЕ ДНИ

Кратово, милое Кратово!
Райские светлые дни!
Ты подарило подарки нам
Радостям детским сродни.

Словно от счастья билетки,
В памяти будем хранить
Наши обряды, секретки,
Как путеводную нить.



И по морозцу катания,
Сосен разбег и берёз,
И одного понимание:
Как мне мила ты до слёз!

В прошлом оставив сомнения,
Душ отмечаем родство.
Эти простые мгновения
В жизни и есть волшебство!

ЗАРАЙСК

Зарайск! Зарайск!
А где же рай тогда?
Опять его проехали мы мимо?
Вот так же пролетают вскользь года
Со счастьем настоящим или мнимым.

От будущего многого мы ждём,
Готовимся к нему в поту и в мыле.
И только поздно узнаём потом,
Что лучшие деньки-то уже были.

И смутно помнит золотой свой век
История, печально вздыхая.
А как вернуть его, не даст ответ:
В эпохе каждой свой найдётся Каин.

Ах, сколько раз мы светлый рай в судьбе
По глупости и лени пропускаем.
И только ад всегда несём в себе,
Творя его своими же руками.



ЗАРАЙСКИЙ СТРАЖ

Стражи столицы – Зарайск и Кашира.
Дети московские: брат и сестра,
Корни пустили над окскою ширью
И на крутом берегу Осетра.

Много изведено горя Зарайском,
Крови пролито своей и врагов.
Подвиг смертельный княгини Евпраксии
В памяти светел во веки веков.

Крепко защитники бились за волю,
Хоть от набегов стонала земля.
Грозной Орды разбивались волны
О неприступные стены Кремля.

... Будто бы сам Николай-чудотворец,
Чудо являя, открыл над рекой
Белый колодец, Белый колодец,
Белый родник со святою водой.

В смутные годы Русь-матушка мечется:
Голод, безвластье, порушенный кров.
Дмитрий Пожарский – спаситель Отечества –
С Мининым вместе изгнали врагов.

В мирные годы – богатый купеческий,
С дивной аркадой торговых рядов –
Город умельцев, ремёсел извечных,
Пахарей, воинов и рыбаков.

Только, захватчики снова и снова
Мирной страны нарушали покой.
Улицы конницу помнят Белова,
Освобождённые в день роковой.



Сколько творцов, коим дорого-любю
Райское место воспели в стихах.
Образы мощных творений Голубкиной
Здесь зарождались, в Зарайских краях.

Смута опять над Россией, Зарайском.
Тёмные силы – над нами опять.
Где же ты, новый спаситель Пожарский?
Время – духовную рать собирать.

ГОД БЫКА

Хороший на Руси обычай –
Встречать год новый, не набычась,
Родных и близких поздравлять,
Да и чужих не быковать.

А в новогоднюю дорогу
Собравшись, упереться рогом.
Пред жизнью не крутя хвостом,
Бежать от кризиса постом.

Чтоб дней разбитое корыто
Не протекало под копытом.
Потешим мы себя мечтой
О счастье с рыбкой золотой.

Год предстоящий будет труден,
И как волы, пахать мы будем.
Да так уж наш народ привык –
Пора в упряжку, Новый Бык!



ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Не проспекты-лучи, не площади –
Восхищают меня уголки:
Переулки твои заполошные,
Без названий твои тупики.

Беспокойна, как вечная ярмарка,
Гомонит на всех языках.
Как цыганка, живая, яркая,
С Красной площадью на устах.

Как улыбки людей простецкие,
Быта прошлого автопортрет,
Смотрят тихо дома купецкие
В серых оспинах разных лет.

В петлях рек в величайшей деревне,
Среди сотен забытых церквей
До поры заблудились шедевры,
Ожидая находки своей.

Уживается старое с новым,
Как и было во все времена,
Новосёла без тяжкого слова
Принимает в свой круг старина.

И в какие края бы ни ездил я,
Тянет к дому, как тысяча рук,
Переулков московских поэзия,
Их названий песенный звук.



ПАРАДНЫЙ ГОРОД

Привет тебе, парадный город
Великих зодчих и царей!
Приятный сердцу, мыслям, взору,
В красе уверенной своей.

Широкий жест твоих проспектов,
Как приглашение на парад –
Парад домов великолепных,
Садов, изысканных оград.

Петровский шпиль тамбурмажором
Всем задает высокий ритм:
Мостам, каналам и узорам,
Дворцам, торжественным, как гимн.

Держа дистанцию параду,
Стоит шеренга фонарей,
И триумфальна на фасадах
Плеяда бронзовых коней.

Союз музеев уникален,
Муз вдохновенье славит их –
Парад героев легендарных:
Литературных и живых.

За Петроградом, Ленинградом
Названий замыкая круг,
Парад старушечек-блокадниц
Встречает новый Петербург.

В парадах – смотры достижений
И взгляд на прошлые года.
Парад духовности, терпенья,
Парад Великого Труда!



ПЕСНЯ О ВОРОНЕЖЕ

Эта песня во мне зазвучит –
Только струны заветные тронешь.
И плывёт Черноземьем, летит
Опалённый в столетьях Воронеж.

По-над речкою – строй куполов
Позабывших людьми колоколен.
Он летит через бури веков,
Гордый прошлым и нынешним болен.

Прозвучали над градом ветра,
И врагов, и судьбину встречая.
Из гнездовья взлетали Петра
Корабли – белокрылые чайки.

В жарких схватках себя отстоял
Берег левый и раненый правый.
Каждый дом здесь – мемориал
Чести воинской, жертвы и славы.

Город новые крылья обрёл
В электронной и атомной силе,
И взлетают, неся ореол,
Серебристыми чайками ИЛы.

Ах, лети, моя песня, лети,
Свой полёт, верю, ты не уронишь,
Добротою потомкам свети,
Трудолюбия город Воронеж.



КРЫМ

Вновь я встречаюсь с тобой, старый Крым,
Где я счастливым был и молодым,
Было недавно или давно:
Солнце и море,
Любовь и вино!

Горным тропам твоим был я знаком
Легкой походкой, тугим рюкзаком,
Скольким друзьям интересен
Меткой строкой или песней!

Вроде бы тот же старинный пейзаж:
Море - в дельфинах и гор ералаш...
Пишут нам жизнь демососы
Кистью Дали или Босха.

План весь передний – почётным гостям:
Ведьмам, вампирам, банкирам, страстям –
Новой валютной элите,
Барствующей хамовито.

Всё с ярлычком на картине – товар,
Не в зеленях, а в ларёчках – бульвар.
Маются мятые девочки,
Как дообменные денежки.

Ну, а народ на картине, как фон,
Портит, конечно, эстетику он:
Вот – в орденах инвалиды,
Бабка с авоськой обиды.

За пяточок пирожок, хлебный квас –
Сытно кормили когда-то здесь нас.
Вместо родимой утраты –
Гамбургер нынче и фанта.

С прежних времён здесь остались-то разве что:
Вазочки, бусы, шкатулки из ракушки.
Фото, что будет в альбоме хранимо
С надписью вечной: «С приветом из Крыма».

Будто за верность отчизне оброк –
В уши вливают нам бешеный рок.
Песен не слышно зазорных,
Спят пионерские горны.

Сохнут деревья, терпя свою боль,
Корни морская съедает им соль.
Недруги силою чёрной
Точат народные корни.

Славно одно удаётся здесь им –
Сеять болотный национализм.
И митингуют им вслед дураки,
Кочки хваля свои, как кулики.

Я покидаю тебя, старый Крым,
Немолодым, невеселым, седым.
Как бы хотелось спеть вместе
Снова веселые песни.



КАПИТАН

Капитан – здоровенный детина,
Седогривый щербатый хорват,
Намотавший за жизнь свою мили,
Речь услышать был русскую рад.

Сразу вспомнил о друге советском...
Разрумянился, будто ожил:
Сухогруз он водил до Одессы,
До Батуми под парусом плыл.

Побывал в Самарканде, в Калуге,
На Камчатке, в Баку и в Крыму.
Но давно уж не слышал о друге –
Нынче рейсы совсем не к нему.

Не в фуражке, в соломенной шляпе –
Видно, к ней уж давно он привык –
На баркасе туристов за плату
Возит он на рыбацкий пикник.

Сам штурвалит, кидает швартовы,
Травит шутки и травит канат.
На списавший режим его новый
Обижается старый хорват.

И на нас обижается тоже –
И обид его тяжек так груз:
«Что вы сделали! Как было можно
Потерять столь великий Союз?

Ведь не знаешь, кому уже верить –
Беспросветность такая, хоть вой.
Нас не просто списали на берег –
Нас списали из жизни самой!»



Что сказать? Я молчу и киваю.
Не спрошу, хоть спросить не боюсь:
Отчего, кровь свою проливая,
Югославский распался союз?

ПЕСНЯ О КАСИМОВЕ

То ль из былин, то ль из сказок воскрес
Город, как пряник, красивый,
Полный загадок, легенд и чудес
Предков подарок – Касимов.

Как украшение в мещерских лесах,
Обликом неповторимый
Девять веков он стоит на часах
Стражем столицы – Касимов.

Молодцеватый, любимый Окой,
Храмами свято хранимый
Город-купец и ларец дорогой
Русско-татарский Касимов.

Звал с колоколен к отпору врагам
И с минаретов Касимов.
Крест, полумесяц,
Как меч, ятаган –
Вместе на службе России.

Сети плетёт, шубы шьёт корабел,
Золото плавит Касимов.
За красоту твоих праведных дел
И за сердечность спасибо!



ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ

«Перед Вами – Пизанская башня,
Наклонившись однажды так страшно,
Всё же держится так много лет,
Словно раненый в схватке атлет».

Ей так много нам высказать хочется...
Переводит вздох переводчица,
Переводчица – русская девушка,
Что когда-то сбежала за денежкой.

Про чужие поведав красоты,
Грусть не прячет в глазах отчего-то.
Ах, беда ли её иль вина,
Что вся жизнь её наклонена.

Как родным, выливает обиды:
Русских здесь не берут даже в гиды.
Но своих-то услышать так хочется –
Вот и ходит она переводчицей.

Так страдает за прошлые дни:
«Там ведь предки остались одни.
Да, конечно, они всё простили.
Их уж нет, но остались могилы...»

В честь родителей названы дети –
Фил и Джулия, но разве этим...
Сердце вдруг от разлуки так скорчится!»
Продолжает рассказ переводчица:

«Если встанете здесь на колени,
То супруг целый день не изменит.
Я протёрла колени все, да,
Помогает же мне не всегда.



Двадцать лет как мы с мужем женаты.
Дом есть, дети – живём мы богато.
Но так часто ничто уж не радует.
Я, как Башня, всё падаю, падаю!

Здесь красиво:

 скульптуры

 и портики,

Но и

 всё-таки,

 всё-таки,

 всё-таки...»

ИЗ БРОДСКОГО

«Кровь холодна.

Я не люблю людей...»

А что ещё сказать в сердцах изгою,

Отвергнутому Родиной своей?

Но как понять

Отверженность Христа,

Когда Он за великое служенье

Перед людьми

Добился лишь креста

И завещал

Любить своих врагов,

Простив всю глубину их прегрешений,

Оставив в сердце лишь одну любовь?

Да, кровь больна

Отравую отмщенья.

И точит душу чернотой обид.

Дай, Бог, нам поскорее очищенья –

И новый день нас светом озарит!



БУЗУКИ

По скульптурам знакомые руки,
Вдруг ожив, оживили и нас:
Не спеша, начинают бузуки
Об истории греческой сказ.

О философах, славных героях,
О Республике в бурных веках,
Легендарной воинственной Трое
И искусства златых образцах.

О! Державы морской одиссея!
Освоеные чужих берегов:
Крым, Кавказ, ну и дальше, на Север –
До московских палат и дворцов.

Имена живописцев находим:
Дионисий и грек Феофан,
Праотцы – и Кирилл и Мефодий,
И духовник царя Киприян.

Хоть всегда были цепки и стойки
Боевые Эллады сыны,
Но предстала и им перестройка
Пострашнее Троянской войны.

Погнала их, как многих, по свету
Жизнь с насиженных мест мирных дней –
Через долгие тысячелетья
Возвратился домой Одиссей.

Он глядит на забытые горы –
Детство предков так было давно.
Словно дань колыбельному морю –
Лучших шуб золотое руно.
Греки русские, радуя души,
С нами могут петь хоть до утра.



И слышна вдруг в «Сиртаки» «Катюша»
И известные всем «...вечера».

После первых стаканов – уж проще,
Легче сердца непрощенный груз:
Тост за Родину, Красную площадь,
Ностальгия за бывший Союз...

В удивлённых глазах их – разлука,
Обращается в прошлое взгляд.
И вибрируют струны бузуки,
Потерявшие внутренний лад.

Есть у них все, как в Греции, вроде бы,
Но чего-то так сильно им жаль.
По далёкой утраченной Родине
Не скрывают бузуки печаль.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Миг приходит – и нам тесно
Так привычное пространство.
И поёт зазывно песню
Ветер странствий, ветер странствий.

Копим знания, опыт, деньги,
Привыкая к постоянству.
Ты зачем привнёс сомненья,
Ветер странствий, ветер странствий?

Но когда за горизонтом
Новой жизни скажешь: «Здравствуй!»
Даст ответ на все резоны
Ветер странствий, ветер странствий.



ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Давно описал караван я сарай,
Где яства и гурии – сладостный рай.
И только слегка отрезвевши от чар,
Обещанный мной покажу я базар.

Восточный базар, видно, создал нечистый,
Куда уж там КИО иллюзионисту!
Ведь в цирке в конце Вам вещички вернут,
А здесь лишь улыбку вернёт тебе плут.

Меня не заманит какой-то дешёвкой
Торговец лукавый, готовя уловки.
Хочу по базару я так погулять –
Намерений нет что-то здесь покупать.

«Зачем покупать? Ты зайди, посмотри:
А мех-то пушистый какой изнутри!
Тебе мы как гостю навстречу идём
И вдвое дешевле товар отдаём.»

Такое вниманье! Такой уж почёт!
И вдвое дешевле, - ну кто ж не возьмёт?
«А вот-ка», - добавил, начёс теребя, -
Примерь-ка, да это – как раз на тебя.

Когда в нём увидит, то ахнет жена,
И вечером, знай, так уж будет нежна.
А это! Тут сразу – и сахар, и мёд!
И только ослепший его обойдёт!

Для ровного счёта и это возьми –
Достоин ты будешь ходить меж людьми.
А эту вот вещь предлагаю свою:
Я сам брал за пять, а за три отдаю.»



Но в лавке соседней прошиб меня пот:
Хозяин за ТРИ там пять штук отдаёт.
На чём-то ведь должен родиться навар...
Никто не неволит идти на базар.

Разинул я рот на восточное чудо:
«А можно – на память сниму я верблюда?»
Те снимки поньине забыть не дают,
Кто был в этот день настоящий верблюд.

Меня подхватили, не дав обомлеть,
Четыре ручищи – и я уж в седле.
Два крошечных круга погонщик ведёт
И тут же вручает за всё это счёт:

За фото, поездку как с гостя – пустяк:
По сотне за круг и ещё четвертак.
Влетел. Расплатился. Но тут же другой
С улыбкой-шербетом: «Зайди, дорогой!»

Чайку наливает: «Присядь, отдохни,
Попробуй, примерь, на товары взгляни!»
От сделки удачной отходишь едва,
Как кругом от новых идёт голова.

Домой возвратился с пустым кошельком
И понял, что я – ну, дурак дураком.
Навьюченный верхом товар я припёр.
И на фиг мне сдался молельный ковёр?

И чёрт ли попутал мозги мне совсем –
Кумган омовенья купил я зачем?
Жена вместо ласк показала на дверь:
«На что же детишкам мы купим теперь?»

Базар не равняется рынку Европы,
Но нас убеждает лишь собственный опыт.



Хоть надписи нету, но будь начеку:
Сам воздух базара вредит кошельку.

По правде – была и достойная встреча:
И искренний взгляд, и язык человеческий.
С двух слов подружились мы запросто с ним:
Литейщик, чеканщик, художник – Расим.

Ах, сколько ж легенд, поучительных притч
На том же базаре узнал я – москвич!
За стих о султানে, прочитанный мной,
Подарок вручил мне – подсвечник резной.

Хотите уж верьте, хотите – уж нет:
Но может меняться менталитет.
Раскрою секрет, завершая рассказ:
Учился торговец в Союзе у нас.

А что там с базаром? Бушует базар.
И всё – как по Марксу: за деньги – товар.
Наверно, не понял тут многое я,
Но этика всё же во всём есть своя.

Обычай в честь праздника видел я тут:
Купцы угощение бесплатно дают.
Кто – сладостей горку, кто – с мёдом шербет,
На масле цветов благовоний букет.

А наш бы купчина – бочонок вина,
Чтоб пил-веселился народ допьяна,
Забыв хоть на день о судьбине лихой.
Какое житьё – и обычай такой.

И всё ж очарован восточным базаром.
Его посетил я, наверно, не даром.
Мир новый увидел, а также извлёк
Я, хоть не бесплатный, но всё же урок.



ДЕЛЬФИНОТЕРАПИЯ

А он родился не такой,
Как все бывают,
О ком мечтают.
Свои родители его
Не понимают,
Не понимают...

И папа ходит вечно злой,
А мать рыдает
И так страдает.
И чем для них он не такой,
Мальш не знает,
Не понимает.

Всегда с улыбкой пузыри
Он с губ пускает,
Всех удивляет.
Но окруженье, что творит,
Не понимает,
Не принимает.

И только маленький дельфин,
Что приплывает
И с ним играет,
На свете, кажется, один
Всё понимает,
Всё понимает.

Вдвоём агукают они,
Смеясь, ныряют,
Мир открывают.
Друг друга, душами сродни,
И обнимают,
И понимают.



На жизнь родителей печать
Заботой длинной
Легла безвинно.
Наверно, будут изучать
Остаток жизни язык дельфиний...

МАЛЫШ И ОСЛИК

Здравствуй, милый мой дружок!
Здравствуй, ослик мой послушный,
Посеребренные ушки.
Начинается урок.

Ну и что же из того,
Если кто-то не полюбит,
Называя его грубым,
Твой певучий «И-го-го!».

Ну, вперёд, мой карапуз!
Что-то нынче ты задумчив.
Верно, думаешь, как лучше
Довезти нам этот груз?

Не назад, а вон – туда!
За меня держись покрепче:
Может, станет тебе легче –
Ты ведь умным был всегда.

Удивлён народ: «Мальш!
Он поймёт пинки и палку –
Нам трудов напрасных жалко –
Справишься, коль накричишь.»

«Нет, совет мне Ваш – не впрок:
Тренируясь на ослёнке,
Я для вас коплю силёнки,
Для себя веду урок!»



НА ТУРЕЦКОМ БЕРЕГУ

На турецком берегу
Волны память берегут.
На турецком, на купецком,
На пиратском берегу.

И глядят из-под воды
Роксоланины следы
На турецком, на купецком,
На пиратском берегу.

Сбывшийся дивчины сон,
Что взойдёт она на трон
В этом ханстве-государстве
На турецком берегу.

Слава шла во все концы,
Что возводятся дворцы,
Церкви, пагоды, мечети
На турецком берегу.

Нынче стены берегут
В камне прочную тамгу
О рабыне, о царице
На турецком берегу.



ОДНА УЗБЕЧКА

Одна узбечка из Советского Союза,
Но на сезон – турчанка, звать Фируза.
Массаж, буфет и танец живота –
Весь день-деньской такая маята.

А в голове – всего одна забота:
Ну, как бы за сезон здесь заработать!
В Ташкенте ждёт огромная семья
Без хлеба, без работы, без копя.

Что из того, что есть диплом – учитель?
Но власть глуха: стучите – не стучите.
Амбиции взорвали наш Союз,
А бедности на нас свалили груз.

Гнетёт по всем статьям нас унижение.
Мир потерял к стране всё уважение.
И дети той потерянной страны
Лишь в роли гастарбайтеров нужны.

И улыбнётся с неподдельной грустью
Сестра моя по бывшему Союзу.
И шепчет: «Поскорее бы зима –
Без дома, без детей сойдёшь с ума...»



ОСТРОВ КЛЕОПАТРЫ

Клеопатра, Антоний...
Сколько ярких легенд,
Небылиц и историй –
Бурной жизни их след!

Как любовник неистовый,
Жизнь деля пополам,
Пол империи Римской
Бросил даме к ногам.

Как, имея пол мира,
В сладкой страсти она,
Крах с воякой-задирой
Испытала сполна.

Сквозь далёкие мили,
Сквозь разлучные дни
Как без связи мобильной
Исстрадались они?

Видно, слышали сердцем
И печаль, и восторг,
И сердечные герцы,
И желания ток.

Молвят: шли караваны
Ста судов на восток
И везли, как ни странно,
Не шелка, а песок.

Для единственной женщины,
Чтоб исторгнуть восторг,
Словно молотый жемчуг –
В искрах белый песок.



Этот пляж Клеопатры
Жив до нынешних дней,
Как жемчужина правды
В море сказок о ней.

Сколько скрещено мнений,
Острых копий и лбов,
Чтоб понять, чем важнее
Человеку любовь.

Об Изольде, Джульетте,
Как их ни назови,
Все поэмы на свете –
О мгновеньях любви.

О любви быстортечной,
Словно вдох или взлёт.
И поэзия вечно
Эти песни поёт.

Как объаты огнями,
Свой бросают уют,
Почему соловьями
Чуть не деды поют?

Что за мощная сила
Род взрывает людской?
За взошедшей любимой –
Как за яркой звездой.

Чувство тянет, как в омут,
Хоть в шалаш, хоть в сарай.
Может, эта истома –
В жизни краткий наш рай.

Грех Адама и Евы
Стал изгнанием им.



Как сюжет этот древен!
Что ж от нас мы хотим?

То колонна, то кладка
Смотрят из-под земли –
Это тоже остатки
Древних храмов Любви.

Привидение жрицы
До сих пор по ночам
С нею в танце кружиться
Предлагает друзьям.

Соблазняют поньше
Род мужской неспроста
Жрицы танца живые
Танцами живота.

И Троянские стены,
Сквозь века нам видны,
Хоть прекрасной Елене
Не хотелось войны.

Нынче мир измельчавший:
Не возвышен и нем –
Ни героев отчаянных,
Ни страстей, ни поэм.

Все хиты олигаршии -
Про богатство, тюрьму.
Нет судьбу поменявших
На любовь да суму.

Мог настроить бы лиру
Я на длинный рассказ.
Но истории мира –
Это тоже про нас...



РАССКАЗ ГИДА

Нет, наверное, шире,
Чем у русских душа:
Тратят доллары, лиры.
В путь домой – ни гроша.

Могут ракию выпить,
Не разбавив водой,
А потом заковыка
Вся выходит с едой.

До утра не напряжно
Могут петь-танцевать,
Чтобы день весь на пляже
После ночи проспять.

Соберутся в парилке –
Не берёт их там жар.
Разжигают напитки
Изнутри им пожар.

Слов мы много узнали
От российских гостей:
Лох, менты, повязали,
Баксы, тёрки, налей...

Обещают нам крышу –
Всех нас в гости зовут.
Но я всё-таки слышал,
Что не очень нас ждут.

Полицейский там зверем
В паспорт смуглых глядит.
Без бакшиша не верит,
Что ты гость – не бандит.



Может, это и враки –
Надо будет узнать.
Ну, а мы-то вам рады –
Приезжайте опять!

ЩЕДРОСТЬ

Жил шах-падишах в государстве далёком
И слыл чудачком он душою широкой:
Он платье простое порой надевал,
С лотка на базаре деньгу раздавал.

Хвалили придворные щедрость такую,
Слагали поэмы, о славе тоскуя.
Но было однажды: бродячий дервиш
Его остудил, будто отнял гашиш,

Сказав, что он знает щедрей человека,
Живущего в ближнем лесу, дровосека:
Он рубит, таскает дрова круглый год
И всем, кто в нужде, просто так отдаёт.

«Ты, царь-государь, поразмыслив, сумеешь
Понять – от щедрот ты не стал ведь беднее.
Ещё ко всему я добавить дерзну:
Ведь деньги твои возвратятся в казну.

А вот, дровосек для людей не жалеет
И дарит им то, что и сам не имеет.»
Вот тут-то и сказке случайной – конец.
Кто понял её, тот, конечно, – мудрец!



СПОР КУМГАНОВ

В государстве песчаном,
Где-то с краю Земли
Три кувшина-кумгана
Спор великий вели.

« Я в стране – самый главный, –
Первый звякнул кумган, –
Золотой я, чеканный,
Среди вас я султан.

И камнями обильно
Вся усыпана грудь:
Бирюза и рубины –
Любо просто взглянуть.

Вязью выписан тонкой
Мой богатый тюрбан.
В нём я выгляжу, словно
Сам султан Сулейман.

А водой не полощут
Суть напрасно мою:
Есть кумганы попроще –
Просто так я стою».

«Серебро я и никель, –
В спор вступает второй, –
Для чего ж, извините,
Нас снабжают водой?

Разве мы – украшенья,
Чтоб без дела стоять?
Ведь своё назначенье
Должен всяк исполнять.



С дорогими вещами
Я дружу как-никак:
Звездочёт завещал мне
Свой чудесный колпак.»

«Да уж, братья-кумганы,
Взяли вы красотой!
Медный я, оловянный,
И из глины простой.

Не богат я, не гордый,
Чтобы что-то иметь,
Но ведь тысячи горнов
Нашу плавили медь.

И трудились над нами
Тысяч сто кузнецов.
Колдовали руками
Тьма простых мудрецов.

А пока вы решали,
Кто из вас красивей,
Омовенье мы дали
Миллионам людей».

Поседели курганы.
Говорят, до сих пор
Всё решают кумганы
О достоинствах спор.

Только прячут усмешку,
Как старик в бороде,
В новый век наш успешный
Тёплый душ и биде.



СУЛЕЙМАН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Султан Сулейман по прозванию «законник»,
Народ благодарный добром его помнит:
Творились великие в царстве дела,
И жизнь у народа счастливой была.

При нём процветали ремёсла, искусство.
Его в письменах восхваляли и устно.
И в новых деяньях, полезных делах
Жена, Роксолана, подругой была.

Умел покорять и без выстрела страны
Твореньями зодчего турка Синана.
И в бывших владеньях поныне стоят
Мечети и бани, возрадуя взгляд.

За мирную жизнь, за обилие хлеба
Народ называл его Великолепным.
Но больше, конечно, прославился он
За свой справедливый и мудрый закон.

Об этом законе писали трактаты,
Чеканили текст на пластинах из золота.
Поклонников не зарастала тропа:
За мудростью шла иноземцев толпа.

Он мог по ночам, как дервиш, лишь в халате
Бродить, чтоб прислушаться к бедным собратьям.
Хотел непременно узнать точно он,
Как власть основной исполняет закон.

Овеяны славой великие строки –
Правителям многим упрёк и уроки.
Всего-то пять слов содержал тот закон:
«Чтоб каждый был сыт и защищён!»



ТАЙНА

Вот так и бывает: казалось, случайно
Раскрылась к несчастью их сладкая тайна.
Теперь уж кричи – не кричи «караул!»,
О том, что украдено, ветер шепнул.

Никто б не повёл в эту сторону носом,
Когда бы обычной тут веяло прозой.
А в том-то и дело, что ветер принёс
Откуда-то запахи утренних роз.

Никто и не должен был знать о свиданьи.
Как могут уйти сокровенные тайны?
Да вот заглядевшись на этот дуэт,
И звёзды проспали законный рассвет.

Казалось: никто, никому, ни полслова.
И в этом поклясться все были готовы.
Но вот на волну накатила волна,
И стала смышлёным картина ясна.

Ах, сколько случилось трагедий, как эта:
Тахир и Зухра, и Ромео с Джульеттой.
Судьбу повторить их никак не хотим,
Но авторов текста, конечно же, чтим.

И хоть перед классиками неудобно,
Порвать бы хотелось с традицией скорбной,
Чтоб эти страдальцы от тайных колец
До жизни семейной дошли наконец.

Ничто на Земле не бывает случайным,
Ведь всё, что случилось, теперь-то не тайна.
Уж мать-то согласна, смирился отец –
Такую развязку придумал мудрец.



ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

Если б слышали, плакали б камни
О судьбе твоей горькой, изгнанник,
Мой изгнанник-народ духом вольный
Претерпел за столетья довольно.

Бушевали истории волны.
Изгоняли, дробили нас войны.
В катастрофах таких сохраниться
Помогли только труд и традиции.

Предков путь начинался у моря.
След их знают Кавказские горы.
В Киргизстане, в Казахских степях
Наших предков покоится прах.

Вспоминать мы добром не устанем,
Как делили последнее с нами
Русский люд и казахи, киргизы
С нашей общей судьбой и Отчиной.

Сдюжил всё наш народ непокорный.
Не утратил язык свой и гордость.
Мы трудяги, скажу без утайки.
Шибче нас разве только китайцы.

И поставили, строя без лени,
Мы дома аж для трёх поколений.
Недовольным быть нету причины:
Есть достаток и две-три машины.

Только, грянула тут перестройка –
Всех народных богатств перекройка.
Чтоб сподручней творить ограбленье,
Бомбу бросили нацразделенья.



Так Союз наш единый когда-то
Превратился в страну эмигрантов.
Повезло, может, в кои-то веки:
Приютила нас Родина предков.

Что ж, страной этой можно гордиться:
На подъёме памука царица.
Взлёт туризма. В объятья Европы
Скачет Турция резво галопом.

Но вот встретил я турка из Крыма –
Всколыхнулось, что в сердце хранимо:
Свет костра, пионерское лето –
Из забытого детства приветом.

Были будни, конечно же, разными,
Но запомнились яркие праздники...
Связь с крымчаком хоть дальняя
кровная,
Но родство ощущаем духовное.

Говорить хоть об этом и вздорно,
Но у нас с ним есть общие корни.
Говорим мы про нравы купецкие:
Не родные они – не советские...



ЖЕМЧУЖИНА КАВКАЗА

На юг, душою отогреться
От зим житейских – в добрый час,
Соединиться с частью сердца,
Оставленную в прошлый раз.

Минула станция «Минутка»,
По окнам взглядами скользя.
Встречает возгласом гугутка,
Встречают добрые друзья.

Он красивее с каждым разом,
Хотя и потерял свой лоск,
Восторг, жемчужина Кавказа –
Неповторимый Кисловодск.

Трудом двухсот годов взлелеян
Многообразный парк чудес,
От струй нарзанной галереи
Раскинувшийся до небес.

Храм возрождённый златоглавый
Зовёт на добрые дела.
Достойным горожанам славу
Исполнят гимн колокола.

Приноровились к горным склонам,
Как россыпь ласточкиных гнёзд,
Мансарды, домики, балконы,
Спиральных улиц перехлест.

Торжественный бульвар курортный...
Здесь знаменитостей следы.
Вздыхают старые офорты:
«Ах, сколько ж утекло воды!»



Воды... у бронзовой горянки,
Стеклянной радужной струи,
Ольховки кроткой или рьяной
И невозвратных дней моих.

Целебны здесь вода и горы,
И парк, и воздух, и музей.
Но всё ж целебней всех бесспорно
Сердца отзывчивых друзей!

РАССТАВАНЬЕ

Опять тоскою расстоянья
Я с дорогими разлучён...
И, как в кино, качаясь пьяно,
Пошел, попятился перрон.

А наши души тянут руки,
И что-то хрустнуло в сердцах:
Любви невысказанной муки
С застывшим криком на устах.

Как много лет терзавший голод
Таких желаемых бесед,
Захлеб коротких разговоров
Не смог насытить дух наш, нет.

Друзей в окне сияют нимбы,
Как звезды дальнего пути.
И я шепчу, шепчу: «Спасибо!
И если, что не так – прости...»



КИСЛОВОДСКИЙ ПАТРИАРХ

В знаменитом Кисловодском парке
Наступает осень Патриарха...
Некий подводя в душе итог,
Памяти рождается поток.

Как-то мы с тобою пережили
Лет голодных детских наших зимы.
И протерли юности штаны
В пору быстротечную весны.

Жатвою не раз мы перегреты –
Лошади запаренного лета.
Так и поседела молодежь
Под всегдашний лозунг тот: «Даешь!»

Что же в мир наш внутренний приносит
Ранняя, пожалуй все же, осень,
Если даже мелкие дела
Тащим, закусивши удила?

Эту пору ждем, не чтоб забыться,
А успеть еще в делах раскрыться.
Есть же где-то вечная весна –
Значит, осень долгой быть должна!



СНЕГ В КИСЛОВОДСКЕ

Снег мохнатый по-московски,
А не дружную капель
На долину Кисловодска
В шутку высypал апрель.

Одобрямый горами,
Снежных игрищ зная вкус,
Сняв с могучих плеч, над нами
Бурку вытряхнул Эльбрус.

На деревья, на газоны,
На фонтаны, на дома
На денёк не по сезону
Возвращается зима.

Сосны в белом, кружевные,
Жемчуга висят с ресниц,
Будто шали пуховые
Кисловодских мастериц.

Птицы подняли от ветра
Хохолки-воротники.
По стволам спустились белки –
Угощаются с руки.

Философски мыслят горцы –
Умудрённейший народ:
«Золотой папахе солнца
Не пришел еще черёд...»



ВЕЧЕР ТАНЦЕВ

Из каких таких историй
Этот день воскрес?
К нам приехал в санаторий
Духовой оркестр.

Вспомнился и парк старинный,
Праздничный народ...
И ещё в парадном ритме
Полковой развод.

Отдыхающим навстречу
Солнцем льётся медь.
В необычный этот вечер
Некогда болеть.

Астма, в танце разогревшись,
Вся огнём горит.
Приглашает, осмелевши,
В круг её *артрит*.

Так легко *люмбаго* в вальсе
Сколиоз ведёт,
И курортные романсы
Слышны между нот ...

А оркестр, владея нами,
Штраусом бодрит
И Амурскими волнами
Душу бередит.

В танце кружат, вспоминая
Вихри давних лет,
И майор, и звеньевая,
И былой атлет.

И сияет повсеместно
Лиц здоровый цвет...
Лучше танцев под оркестр
Процедуры нет!



БАБУШКА ЗУХРА

У стен дворца Нарзана
Уже который год
Столетняя горянка
Вязанье продаёт.

Достойная осанка,
И сладко речь течёт:
Наполовину сахар
Наполовину мёд.

Воспеты горской лирой
Неведомой поры
И подвиги Тахира,
И молодость Зухры.

А род ее прекрасный,
Историю сед,
Наполовину – царский,
Наполовину – нет.

В глазах её серьёзных
Под гнетом трудных вех
Наполовину – слёзы,
Наполовину – смех.

А новый люд ей странен.
Не горд и духом слаб
Наполовину – барин,
Наполовину – раб.

В изделиях товаров,
Что потеряли честь,
Наполовину – вата,
Наполовину – шерсть.



Лукавой прибауткой
Смешит народ до слёз
Наполовину в шутку
И целиком всерьёз.

За проданные вещи
Навару не берёт –
Наполовину брешет,
Наполовину врёт.

Из глаз ее чистейших
Струится добрый свет.
Дай, Бог, прекрасной женщине
Сполна счастливых лет!

МУЖЧИНА

Мужчина настоящий только тот,
Кто, не чураясь жизненных забот,
Старается всю жизнь свою усердно
Быть мужественным,
мудрым,
милосердным.

А дама настоящая лишь та,
Которой ради явно неспроста
Старается мужчина её верный
Быть мужественным,
мудрым,
милосердным.



НА МИНКТКУ

На минутку, на минутку, на минутку
Мне б на станции чудесной той сойти
Со смешным наивным именем Минутка,
Переулком Школьным к другу подойти.

Подойти, закрыть глаза его ладонью,
На вопрос весёлый прыснуть: «Угадай!».
И опять вдруг оказаться на перроне,
Покидая задушевный этот рай.

Что минутка? Не хватило бы и часа.
Что там часа? Не хватило бы и дня.
Для расспросов, для просмотров, для рассказов
Даже месяца не хватит для меня.

Вот поэтому я сердцем вместе с вами,
С вами вправду никогда не расстаюсь.
Рельсы, шпалы и столбы, что между нами,
Слава Богу, не смущают наш союз.

Кто-то скажет, что мечтать – оно – не вредно,
Но поделаться ничего я не могу.
И рождаются в душе такие бредни
В суете моей московской на бегу.



ТОВАРИЩУ

Так же бьют Кремлёвские куранты,
И живёт страна по тем часам.
Только мы с тобою – эмигранты,
Хоть живём по старым адресам.

Мы по прежней Родине тоскуем,
Трудным, но счастливым временам.
Но с кого теперь, скажи, взыскуешь,
Что пришлось расстаться с ними нам?

Родина скукожилась до дома.
И границы нету на замке.
Мы с тобой по замыслу чужому
Не нужны уже своей стране.

Сколько испытали унижений
И предательств, и людских измен,
Хамства без возможности отмщенья
В подлую эпоху перемен.

Да, и не решить вопросов мезью,
Бунтом тоже вряд ли, чёрт возьми.
Главное – мы не теряли чести,
Оставаясь чистыми людьми.

Не примкнём мы к их бандитским битвам:
Ни к рабовладельцу, ни к рабу.
За Державу нам с тобой обидно,
Но не стыдно за свою судьбу.



ПЛАТО БЕРМАМЫТ

Ослепительный вид
Распахнул Бермамыт –
Умудрённой природы богатство.
Открывает простор
Нам кавказский престол
Легендарного горного царства.

То пронзительный луч
Из насупленных туч,
Град и ветер, капризы природы.
Всё рождается здесь,
Как гремучая смесь,
На бушующей кухне погоды

Замирает душа –
Как же ты хороша
Без границы живая картина!
Ниже нас облака
Трут о скалы бока.
За вершинами манят вершины.

Мы по жизни спешим
Мимо славных вершин,
Часто тонем, не ведая брода.
И порывы губя,
Приземляем себя,
Сотворяя свою непогоду.

Мы спускаемся с гор.
В сердце – новый простор.
Нахлестал по заслугам нас ветер.
Суеты сбросив воз,
Мы на завтра прогноз
Хоть на градус добрее наметим.



КАШИРА-2

По всему Советскому проспекту,
По руинам первых пятилеток –
Поколенья старшего следы.
Как же полнокровно они жили,
Как свой город всей душой любили
Вплоть до перестроечной беды!

Стены у домов – сплошные раны.
Не журчат разбитые фонтаны.
Цветниками не горят дворы.
Нет скульптур наивных и весёлых,
И не слышно шумных новосёлов,
Песенные не звучат пиры.

Жить потомкам долго приказало
Здание старинного вокзала,
Будто здесь глумился лиходей.
Памятником бывшему прогрессу
Подпирают небо трубы ГРЭСа.
И доска Почёта без людей.

Мать родная, видимо, кому-то
Эта перестроечная смута,
Без коммунистических прикрас.
Прошлое, крича «Ату!», свалили.
Что мы в результате получили?
Что оставим детям после нас?



ОКА

Где речушка лугом
Путь петляет свой,
Строилась Калуга
Зоркой крепостцой.
Ниже речка ширью
Разлилась рекой –
Поднялась Кашира
Круто над Окой.
Встреча на изломе
С реченькой Москвой –
На посту Коломна:
Колоколен строй.
Словно васнецовских
Три богатыря,
От разбойной злости
Берегли не зря
В глубь Руси дороги
Долгие века.
Им была подмогой
Верная Ока.
Поймы, поле брани
Прятала собой,
Врачевала раны
Чистою водой.
В берегах, как в платьях
Незапятнанных,
Обегала братьев
Названных своих.
Быстро время мчится –
В дегте тот наряд,
Но за честь сестрицы
Братья не стоят...



КАШИРСКИЕ УЛИЦЫ

Где Ока свободно ширится
Под белую горой,
Назвали град Каширою
Далекою порой.
Купецкими лабазами
Смотрели на суда
Стрелецкая, Рыбацкая,
Ямская слобода.
Отмечен город ранами,
Встречал мечом орду,
И звон «Николы Ратного»
Сулил врагам беду.
Пропела революция
Иные времена,
И получили улицы
Другие имена.
Так, родилась Коммуны,
Свободы, Ильича...
И городок как будто
Раздался чуть в плечах.
Как били немца злого,
Мы помним до сих пор;
Здесь конница Белова
Дала врагу отпор.
Сбегает Спуск Колодезный
С былинного холма.
Живёт в названьях образных
История сама.
А если чёрной вестью
Нагрянет вдруг беда,
То встанут в строй все вместе:
Коммуны и Советская,
Пушкарская, Стрелецкая,
Ямская слобода.



СВЕТ КАШИРЫ

Из Зарайска ли едем под мелким дождём,
Из-под Тулы, ещё ли откуда,
По Оке ли, петляя, к Кашире плывём –
Каждый раз вновь встречаемся с чудом.

В чёрных тучах просвета и с блюдечко нет.
Мгла, кажись, целый мир заслонила.
Но над городом – свет, над Каширою – свет.
Держит купол небесная сила.

Видно, место благое – и в этом секрет –
Бог за труд и терпенье отметил.
Освещает нам жизнь путеводный тот свет
Многотрудных простых семь столетий.

Это свет всех времён от рыбацких костров,
Отсвет горнов пушкарских на лицах,
Отблеск первых лучей на секирах стрельцов,
Искры песни душевной ямщицкой.

Свет хрустальной водицы живых родников,
Войн зарницы и памяти жженье,
И свеченье молитв, и салют куполов,
ГРЭС атлантово сверхнапряженье.

Нынче свет над Каширой заметно померк...
Где сиянье имён знаменитых?
Где огни катеров, покидающих верфь?
Где гуденье печей Центролита?

А останется ль свет хоть какой после нас,
Чтоб могли им душою согреться,
Как целебным лучом бабы Дуниных глаз
И огнём дяди Колина сердца?



Без надежды на завтра и радости нет.
Бог не даст нам креста не по силам.
Над Каширою свет сотни, тысячи лет
Пусть горит для людей негасимо!

ОКА-РЕКА

Заболотилась и обмелела
Родниковая в прошлом Ока –
Это варвары руки нагрели,
Отсосав сразу тонны песка.

Где веками тугая стремнина
Аж звенела на струнах опор,
Камыши разрослись и кувшинки
И лягушек отчаянный хор.

Не приходят стада к водопою –
Их уж нет – многочисленных стад.
Все поля зарастают травой,
И разбитые фермы стоят.

Не плывут по реке пароходы
С песней звонкой, в весёлых огнях.
Затянулся форватер подводный.
Рыб полно – в браконьерских сетях.

Как чужую страну разоряют –
На мели скоро будем опять.
Тут не только река замирает –
Вся-то жизнь потекла наша вспять.



МУЗЕЙ КУКОЛ

Тётенька в куклы играет –
Детство украла война.
Рано лишённая рая,
Не наигралась она.

Шьёт из обрезков одёжки,
Ватные лечит тела.
Пишут умелые стёжки
Сказ про благие дела.

Время, да жизнь свою тратит,
Жертвуя всем дорогим.
Лепит, смягчает характер
Бедным страдальцам своим.

Ах, эти сельские куклы!
Жёлтой соломы пучок
Бережным сердцем укутан
В старый какой лоскуток.

Вот, кавалеры и дамы –
Танца старинного «па».
И многодетная мама,
Ярких матрёшек толпа.

С розой Кармен роковая.
Мчит Емельян на печи.
Раненый флаг развевает
Смелый Мальчиш-Кибальчиш.

Дети глазищи таращат,
Радуюсь сказке живой.
Куклам желая стать краше,
Тащат подарки горой.



Сколько историй забавных,
Мифов, душевный уют,
Память о подвигах славных
Дети с собой унесут!

Тётяшка, щедрая сердцем,
Веря в святые дела,
В чистом не спряталась детстве,
А из него не ушла...

ДОКТОР

На Центролите, ГРЭСе
Да в жизни суетной
Однажды вскрикнет сердце
Оборванной струной.
Испуганные лица
Тревог людских печать –
Каширская больница
Не устает встречать.
Крутой по нраву Хотькин,
Не пожалевши сил,
Упавшим духом стольким
Здоровье возвратил.
Какому же большому
Таланту надо быть,
Чтоб каждому больному
По сердцу подарить!
К больным неравнодушный,
Как было на Руси...
И молятся старушки:
«Господь его спаси!»
Свята душой и ликом
Поклон земной прими,
Российская глубинка,
Богатая людьми!



ДОБРЫЕ МОСТЫ

Цветением майским мы справим
Опять годовщину побед!
В героических делах переправы
Особый оставили след.

Всего-то – пунктиры на картах
На фоне армейских армад.
А чтоб навести их, затраты
Какие ещё предстоят?

Сцепляют, спускают понтоны
Бесстрашно под шквальным огнём.
Ложатся костями, но не стонут.
Им холод и грязь – нипочём.

Оставили след каширяне:
Стал сотый родной батальон
В Афгане, Чечне и в Ливане
Легендою мирных времён.

Чтоб смог к прежней жизни вернуться
Войну переживший народ,
Завод наш металлоконструкций
Им мирные рельсы куёт.

Держава горда каширянами:
Они доброй службой своей
Наводят мосты между странами
И между сердцами людей!



ГОД ТИГРА

Какие год готовит игры?
В полоску жизнь, как шкура тигра?
Коварство кризисных идей
Или озлобленность зверей?

Конечно, всем пришлось нам туго,
Зажатым жизнью в тесный угол.
Ну, что ж нам голову склонить,
В верхах чтоб зверя не будить?

А их так много недовольных -
Без денег, от работы вольных,
Но выпуская пар на рык,
Друг друга мы не буде грызть.

А где же властный дрессировщик,
Страны большой оранжировщик?
Хотелось бы и нам иметь
Кусочек мяса, а не плеть.

Такие разные условия,
Но с ними мы одной ведь крови.
Хотим, чтоб год, что Богом дан,
Был мудрым, словно тигр Шерхан!



МОЛИТВА

Не слепец, не пророк,
Не дубьё, не клинок,
И не раб я душой, и не витязь.
Как и все, я не знаю назначенный срок:
Как уйду, за меня помолитесь.

Много знал я тепла,
И отведал я зла,
Но не рвал с человечностью нитей.
Суеютой утомлённый оставлю дела –
За меня вы, друзья, помолитесь.

Среди радостей, бед
Я оставлю свой след.
Если что-то не так – вы простите.
В жизни новой иной я приму ваш привет –
Помолитесь, друзья, помолитесь.

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

Потеряли мы ориентиры:
Путь во мраке у страны слепых.
Слишком часто падают кумиры
С пьедесталов дутых и кривых.

Телом ли, душой ли мы калеки?
Но призывный зов поводырей
Из темницы жизни человеку
Не открыл на Божий свет дверей.

Сетуем на горе в одиночку,
Сообща рождая только бунт.
Кормчие щекастые пророчат
Либо прозябанье, либо кнут.



Истлевают вера и одежды...
Нету в мире терпеливей нас.
Всё б снесли, когда бы луч надежды,
Луч рассвета в предзакатный час.

ПОЗОЛОТИ

Позолоти нам, бабье лето!
Листвой сполна позолоти!
Стань в жизни доброю приметой
В начале нового пути.

Стань бабьей осенью хорошей,
Дав нашим жёнам отдохнуть
От жизни непомерной ноши,
Что им приходится тянуть.

Листвой усеяны дорожки –
Природы щедрой векселя.
Что предъявить себе мы сможем,
Душой в итоге не кривя?

В сей храм вложили столько силы –
Ему теперь века служить.
Туманом осень, как кадиллом,
Наверно, хочет освятить,

Дать чистоту небесной сини
И помыслам дать чистоту,
Чтоб разорённая Россия
Вновь набирала высоту.



СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ СВЕТ	5
ПОЛТАВСКАЯ БИТВА	5
НАКАЗ.....	6
ВОЙНА.....	8
МИР	8
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЁЛКА	9
СТАРЫЙ ДВОР	9
НА КЛАДБИЩЕ.....	10
ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА	10
ПЯТАЧОК В ИЗМАЙЛОВО.....	11
23 ФЕВРАЛЯ.....	12
СОРАТНИКИ.....	12
ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ.....	13
ПЛАНЕТА КОМСОМОЛ	14
СОМНЕНИЕ.....	14
НАША ПОБЕДА.....	15
ОЩУЩЕНИЕ	15
ПОБЕДИТЕЛИ И НАСЛЕДНИКИ.....	16
ГОД БОЛГАРИИ В РОССИИ.....	17
РОМАНС.....	18
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ	18
У РОДДОМА	19
СЫН.....	19
РАДОСТЬ.....	20
УСТАЛОСТЬ.....	20
ПЕСНЯ О САЛТЫКОВКЕ.....	21
ПОДРУГА.....	22
ВНУК.....	23
СВИДАНИЕ В БОЛЬНИЦЕ.....	23
СМЯТЕНИЕ.....	24
ПОДРУГИ.....	25
ВОЛШЕБНИЦЫ.....	25



СКАЗ О ТУЛЬСКОМ САМОВАРЕ	26
ПАМЯТЬ.....	27
ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА.....	28
РОДНИК	30
ВОСЬМОЕ ЧУДО	31
СОВЕТ	32
ГАЛЕРЕЯ ШИЛОВА.....	33
КАРТИНА КУСТОДИЕВА	35
ЧУДО	35
КАРТИНА РЕМБРАНДА	36
ПТИЧИЙ РЫНОК.....	37
УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ.....	38
ПУСТЫНЯ.....	39
АФГАНИСТАН	39
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ	40
МАШИНА ВРЕМЕНИ.....	41
ОБЕРЕГА	42
ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ.....	43
РОДИНА	43
АФГАНСКАЯ БОЛЬ.....	44
ЗАРЯД	44
20 ЛЕТ ВЫВОДА ВОЙСК.....	45
ГЕРОИ «АЛЬФЫ»	46
ВЕЧЕР ПЕСЕН	47
ГИТАРА	48
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА	49
БАЯНИСТ	51
ПРИЗВАНЬЕ	52
МУДРОСТЬ	53
ЗАВИСТЬ	53
МЕТАМОРФОЗА	54
ЖИЗНЬ.....	54
УЧИТЕЛЯ.....	55
МОЙ ДОЛГ	56
НАСТАВНИК.....	56



АВЕСТА.....	57
КАВКАЗСКИЕ БАШНИ	58
ДОЛГИ	59
ПРОМЕТЕИ.....	60
НЕМЕЗИДА	61
РЕФЕРАТ О ЗЕЛЬЕ.....	62
ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ	63
СТИХИ.....	63
СТАВЕНЬ РАЙСКИЙ.....	64
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА	64
ПОЭТ	65
БЫЛИНА.....	66
АНТИБЫЛИНА.....	67
НАРОД И ПОЭТ.....	69
МАГИЯ СТИХОВ.....	70
ПЕРЕСТРОЙКА	71
АВГУСТ 1991 ГОДА.....	71
БАЗАР.....	72
ДЕФИЦИТ	72
3 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА	73
АНТИГЕРОИ	73
КРИТИКУ «ЗАСТОЯ».....	74
ВРЕМЯ.....	74
СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ 1999 ГОДА	75
ТЬМА.....	75
ВЗГЛЯД.....	76
ЛИВЕНЬ.....	76
МЕССА	77
КАВКАЗ.....	78
ЭЛЕКТРИЧКА.....	83
ОФИЦЕРЫ.....	84
ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.....	84
КУЛЬТ	85
ГРИБНОЙ ДОЖДИК	85
НА РЫНКЕ.....	86



ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ	87
БЕС.....	88
ДЬЮТИ ФРИ.....	89
МУЗЫКА-НИЩЕНКА	90
ПРЕДЧУВСТВИЕ	91
РЫЦАРИ ДУХА.....	92
ВАРИАНТЫ	92
ЧЕЛОБИТНАЯ ПРОСТОЛЮДИНА ЦАРЮ БОРИСУ	93
ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ.....	94
ЗВЕЗДА БАЗАРА.....	95
МЫ БЕЖЕНЦЫ САМИ.....	96
ВЕРА	97
СТРОЧКА.....	97
ТУМАН	98
КАМО ГРЯДЕШИ?.....	98
ХЛАМЬЁ.....	99
НАРОД И ВЛАСТЬ.....	99
РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ	100
ОТЕЦ	101
ЗАЛОЖНИКИ	102
AVE!.....	103
ХРАМ ДОБРОТЫ.....	103
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.....	104
ВЕЛИКИЕ РАЗВАЛИНЫ	105
ТИПЫ	106
СОН ЯМЩИКА.....	107
МОСКВА СОВРЕМЕННАЯ.....	108
ПАМЯТНИКИ	109
ВЫСТРЕЛ.....	110
СПАСИТЕЛЬ	110
СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД	111
ЖЕНЩИНЫ	111
ВОЛШЕБНЫЙ ЖЕСТ	112
ПЕСНЯ О СТАРЫХ ВРЕМЕНАХ	113



ВЗВОЛНОВАННОЕ	114
ХРАМ.....	114
ПЕСНОПЕНИЯ «СИРИНА»	115
ПТИЦА РАДОСТИ.....	116
ОЧИЩЕНЬЕ.....	116
АНДРОНИКОВ МОНАСТЫРЬ.....	117
НА БОБАХ	117
ИЗЮМИНКА	118
КАПИТАЛ.....	119
МАСКИ.....	119
НЕВСТРЕЧА	120
ЧЕСТЬ	120
МАССАЖИСТКА.....	121
РЕКА УЧА	122
ТАЛАНТАМ ОТ ПОКЛОННИКОВ.....	123
ПРОПАВШИЕ ДРУЗЬЯ.....	124
ПЕСНЯ О ДРУГЕ	125
ПОМИНАЛЬНАЯ	126
ДЕРЕВНЯ ЧЕМБИЛЕЙ	126
РОДОВОЕ ДРЕВО	127
БАЛЛАДА О СОЛИ	129
КРАСКИ.....	130
ПЕСНЯ ОБ «АННУШКЕ».....	131
АНГЕЛЫ В БЕЛОМ.....	132
РОК.....	133
ЛИЦА.....	134
МИЛЛЕНИУМ.....	135
ВРЕМЕНА.....	135
ПЕСНЯ О «ПОКРОВКЕ».....	136
ВЕНОК ЛЮБЭВНЫХ ПЕСЕН	137
ЧЕЛОВЕК.....	138
НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	138
ГЛАС НЕБЕСНЫЙ	139
СОН О ЦАРИЦЫНЕ.....	140
ЗОДЧЕСТВО	142



ОСЕННЕЕ	143
ОСЕНИ МЕДНЫЕ ТРУБЫ.....	144
ОСЕННИЙ ХРАМ.....	145
ДНИ ОСЕННИЕ	147
ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ!.....	148
БЕРЁЗКА	149
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.....	150
ШЕСТИДЕСЯТАЯ ОСЕНЬ	151
ОСЕННИЙ СВЕТ	152
ОСЕННИЕ ЗАПИСКИ.....	153
ОСЕННИЙ ВЗГЛЯД.....	154
РОСТОВ ВЕЛИКИЙ	155
КАСПИЙ	156
ПОКРОВ НА НЕРЛИ.....	157
ПЕСНЯ О ПЕНЗЕ	158
ДОРОГА	159
КУДА ТЫ МЧИШЬСЯ, РУСЬ-ШЕСТЁРКА?	160
ДАЧНОЙ МУЗЕ.....	161
КЕНИГСБЕРГ	162
ГЖЕЛЬ	163
РАЙСКИЕ ДНИ	163
ЗАРАЙСК.....	164
ЗАРАЙСКИЙ СТРАЖ	165
ГОД БЫКА.....	166
ПЕСНЯ О МОСКВЕ.....	167
ПАРАДНЫЙ ГОРОД.....	168
ПЕСНЯ О ВОРОНЕЖЕ.....	169
КРЫМ	170
КАПИТАН	172
ПЕСНЯ О КАСИМОВЕ	173
ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ	174
ИЗ БРОДСКОГО	175
БУЗУКИ.....	176
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ.....	177



ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР	178
ДЕЛЬФИНОТЕРАПИЯ.....	181
МАЛЫШ И ОСЛИК.....	182
НА ТУРЕЦКОМ БЕРЕГУ	183
ОДНА УЗБЕЧКА.....	184
ОСТРОВ КЛЕОПАТРЫ.....	185
РАССКАЗ ГИДА	188
ЩЕДРОСТЬ	189
СПОР КУМГАНОВ.....	190
СУЛЕЙМАН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ.....	192
ТАЙНА.....	193
ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ	194
ЖЕМЧУЖИНА КАВКАЗА.....	196
РАССТАВАНЬЕ	197
КИСЛОВОДСКИЙ ПАТРИАРХ.....	198
СНЕГ В КИСЛОВОДСКЕ	199
ВЕЧЕР ТАНЦЕВ	200
БАБУШКА ЗУХРА	201
МУЖЧИНА	202
НА МИНКТКУ	203
ТОВАРИЩУ	204
ПЛАТО БЕРМАМЫТ	205
КАШИРА-2	206
ОКА	207
КАШИРСКИЕ УЛИЦЫ.....	208
СВЕТ КАШИРЫ	209
ОКА-РЕКА.....	210
МУЗЕЙ КУКОЛ	211
ДОКТОР	212
ДОБРЫЕ МОСТЫ	213
ГОД ТИГРА	214
МОЛИТВА.....	215
ЛУЧ НАДЕЖДЫ.....	215
ПОЗОЛОТИ.....	216

Бедретдинов Хайдар Сулейманович

Белый свет

Компьютерная верстка – А. А. Кузнецов



Подписано в печать 07.12.09. Бумага офсетная. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Excelsior Cyrillic» Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.

Тираж 500 экз.

«ИПО «У Никитских ворот». 121069, г. Москва, ул. Большая Никитская,
д. 50/5, тел.: 690-67-19,

www.uniki.ru

*Так было непросто издать эту книгу.
И светят над вами заслуженно нимбы –
Без вашей поддержки не справился б я.
Спасибо за помощь,
Спасибо за помощь,
Спасибо за помощь, друзья!*

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial 'S' followed by a series of connected, flowing lines that suggest the name 'Sergey'.